

## Ауслауты глагольных основ (производных и непроизводных) в самодийских языках

Урманчиева Анна Юрьевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); [urmanna@yandex.ru](mailto:urmanna@yandex.ru)

Целью данной работы является определение морфонологических классов глагольных основ самодийских языков в зависимости от их ауслаута. С диахронической точки зрения важно проводить различия между производными и непроизводными основами: некоторые ауслауты возможны только в производных основах. Этот вопрос особенно важен для глаголов с вокалическим ауслаутом: некоторые гласные могут появляться только в результате слияния финального гласного непроизводной основы с каким-либо деривационным показателем. В статье рассматриваются глагольные основы с вокалическим и с консонантным ауслаутом. В результате исследования выделен список непроизводных общесамодийских глагольных основ структуры (C)VC-, показано, что судьба этих основ неодинакова в самодийских языках. В селькупском набор таких основ сокращается прежде всего за счет действия правил исторической фонетики (исчезновение \*j и \*ŋ в ауслауте), в северносамодийских этот класс основ существенно уменьшается: значительная их часть в современных языках представлена только в составе суффиксальных производных. Сохраняются исключительно те консонантные ауслауты непроизводных основ, которые совпадают с консонантными ауслаутами производных основ. Проанализированы также глагольные основы структуры (C)VCV. Показано, что среди непроизводных основ можно надежно выделить лишь основы на \*ə, \*ḁ, \*ä. Что касается глаголов с исходом на другие гласные, они делятся на две группы: а) производные глаголы (типа стативно-декаузативных производных) и б) глаголы, имеющие параллели в именных основах (типа 'узел' ~ 'завязать', 'дым' ~ 'дымить').

**Ключевые слова:** самодийские языки, историческая фонетика, историческая грамматика, морфонология, вокализм непервых слогов, производные и непроизводные глагольные основы

## CLASSES OF VERBAL STEMS (DERIVED AND NON-DERIVED) IN SAMOYED LANGUAGES

Anna Yu. Urmanchieva, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Science (St. Petersburg); [urmanna@yandex.ru](mailto:urmanna@yandex.ru)

The purpose of this work is to determine the morphophonological classes of verbal stems in Samoyed languages depending on their final phoneme. From a diachronic point of view, it is important to distinguish between derived and non-derived stems: some final phonemes are possible only in derived stems. This question is especially important for vowel stem verbs, since it is directly related to the dilemma of reconstructing the vocalism of the late syllables in Proto-Samoyed: some vowels can appear only as a result of merging of the final vowel of a non-derived stem with a derivational marker. The article examines consonant stem verbs and vowel stem verbs. As a result of the study, a list of non-derived Proto Samoyed consonant stem verbs was singled out. The history of these stems differs in individual Samoyed languages. In Selkup, the number of such stems is reduced only due historical phonetic shifts (disappearance of final \*j and \*ŋ). In Northern Samoyed this class of stems is significantly reduced: most of them are preserved only in combination with derivational suffixes. Predominantly only those final consonant of non-derived stems are preserved, that coincide with the final consonants of derived stems. The verb stems of the structure (C)VCV- are also considered. It is shown that among non-derived stems, only stems with \*ə, \*ḁ, \*ä can be reliably reconstructed. As for verb stem ending on other vowels, they can be divided into two groups: a) derived verbs (e.g. stative-decausative derivatives) and b) verbs that coincide with nominal stems (such as 'knot' ~ 'tie', 'smoke' ~ 'to smoke').

**Keywords:** Samoyed languages, historical phonetics, historical grammar, morphophonology, vocalism of late syllables, derived and non-derived verb stems

## 1. Введение<sup>1</sup>

В статье рассматриваются морфонологические классы глагольных основ самодийских языков в зависимости от их ауслаута. С исторической точки зрения при исследовании этого вопроса важно разделять производные и непроизводные основы. Это связано с тем, что некоторые ауслауты возможны только в производных основах. Данное исследование, в частности, позволит определить, какие морфонологические классы непроизводных глагольных основ существовали в прасеверносамодийском. Этот вопрос особенно важен для глаголов с вокалическим ауслаутом, т. к. он непосредственно связан с дилеммой реконструкции вокализма непервых слогов в прасамодийском: важно понимать, какие гласные могут встречаться в непроизводных основах, а какие могут появляться только в результате слияния финального гласного непроизводной основы с каким-либо деривационным показателем.

Исследование проводилось на материале следующих языков: тундровый ненецкий, тундровый и лесной энецкий, нганасанский<sup>2</sup>, селькупский. Материал маторского исключается потому, что в донучной записи маторского, которой мы располагаем, вокализм непервых слогов зафиксирован слишком ненадежно. Камасинские записи К. Доннера, с одной стороны, также демонстрируют значительную вариативность в фиксации гласных второго слога, с другой — довольно сильную тенденцию к редукции гласных второго слога (запись в виде *ə*), поэтому было принято решение не привлекать и их на данном этапе исследования систематически, ограничиваясь редкими комментариями в показательных случаях. Нганасанские материалы выбраны из словаря [Костеркина и др. 2001], дополнены по неопубликованному словарю Е. А. Хелимского. Энецкие материалы выбраны из неопубликованного словаря, собранного Е. А. Хелимским, для селькупского использовался словарь [Alatalo 2004], для тундрового ненецкого — словарь [Salminen 1998].

В работе исследуются основы как с консонантным, так и с вокалическим ауслаутом, в каждой группе отдельно рассматриваются производные и непроизводные основы. Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 суммируется несколько достаточно хорошо известных фактов о судьбе финальных глайдов, т. к. их корректная реконструкция также важна для определения морфонологических классов глагольных основ в современных самодийских языках и для реконструкции морфонологических классов производных и непроизводных глагольных основ в прасамодийском. В разделе 3 рассматриваются глаголы с консонантным ауслаутом, в разделе 4 — с вокалическим ауслаутом.

## 2. Финальные глайды в прасамодийском и их судьба в языках-потомках

Для прасамодийского восстанавливаются два глайда, которые могут выступать в ауслауте именных и глагольных основ: *\*-j* (см., например, реконструкцию в [Janhunen 1977]) и *\*-w*, см. [Гусев 2008; 2010]. Эти глайды имеют следующие рефлексy в рассматриваемых в данной статье языках<sup>3</sup>:

Ауслаутный *\*j* сохраняется как отдельная фонема только в нганасанском и маторском (в остальных языках он представлен в виде определенных морфонологических особенностей таких основ), ср.:

(1) *\*tɯj* ‘огонь’ > нг. *туй*, т. нен. *tu*, т. эн., л. эн. *tu*, ск. *tī*;

(2) *\*toj-* ‘прийти’ > нг. *туйся*, т. нен. *to/sy<sup>o</sup>*, т. эн., л. эн. *tō-*, ск. *tī-*;

Ауслаутный *\*w* (в том числе в сочетании *\*-jw*) еще более неустойчив, фонологически он не сохраняется ни в одном из рассматриваемых языков, ср.:

(3) *\*kăcāw* ‘пурга’ > нг. *кожу*, т. нен. *xad<sup>o</sup>*, т. эн., л. эн. *kaɖi*, ск. *koči*;

(4) *\*wetāw* (? *\*wētāw*) ‘кишка’ > нг. *бему*, т. нен. *yedyo*, т. эн., л. эн. *bede*, ск. *ketu*;

(5) *\*kontājw-* ‘спать’ > нг. *кундуаса*, т. нен. *хонуо-*, т. эн. *kodu-*, л. эн. *kōdi-*, ск. *konti-*.

Тем не менее следы *\*-w* (и *\*-jw*) сохраняются в морфонологии нганасанского, ненецкого и энецкого. Так, в нганасанском *\*-w* ведет себя как отдельная морфонема, которая в нотации, предложенной в [Хелимский 1994], обозначается как *-<sup>C</sup>*. Ее существование манифестируется следующими явлениями (описывается по той же работе):

(i) морфонема *-<sup>C</sup>* делает закрытым предшествующий слог; таким образом, если этот слог четный и он начинается с такого одиночного согласного или такого консонантного кластера, который участвует в че-

<sup>1</sup> Я благодарю Тапани Салминена, с исключительным вниманием прочитавшего первый вариант этой статьи. Благодаря ему удалось устранить многие существенные недостатки работы.

<sup>2</sup> Далее для удобства термин «северносамодийские» будет отсылать читателя к материалу именно этих четырех языков, хотя я считаю вслед за [Helinski 1997/2022], что маторский также относится к северносамодийской подгруппе.

<sup>3</sup> Эффекты, оказываемые этимологическим глайдом на рефлексацию предшествующего ему гласного, я здесь не комментирую, т. к. это будет специально разбираться в статье.

редовании ступеней, по правилам ритмической градации этот согласный или кластер в начале четного слога должен был бы выступать в сильной ступени, однако по правилам слоговой градации этот согласный или кластер в закрытом слоге переходит в слабую ступень. Этот эффект мы видим в (3) — если бы слог был открытым, в нганасанском слово ‘пурга’ имело бы вид \**коту* — и в (5) — если бы слог был открытым, кластер выступал бы в виде *-нт-*, как в глаголе *кунтудя* ‘заснуть’;

(ii) морфонема *-<sup>C</sup>* (как и другие финальные согласные основы) оставляет в сильной ступени начальный согласный следующей морфемы (хотя по правилам ритмической градации в начале нечетного — в данном случае третьего — слога этот согласный должен выступать в слабой ступени). Для существительных это можно продемонстрировать на примере показателя 3Sg — ср. *кожу-ту* ‘пурга-3Sg’, *бету-ми* ‘кишка-3Sg’ с консонантной основой *кэмпир-ту* ‘провал в снегу-3Sg’ и вокалической основой *коту-жу* ‘тётя-3Sg’. Для глаголов то же можно показать на примере суффикса инфинитива, ср. *кундуа-са* ‘спать-Inf’ с консонантной основой *тарур-са* ‘делить-Inf’ и вокалической основой *кунту-дя* ‘уснуть-Inf’;

(iii) в случае, если к двусложной основе на *-<sup>C</sup>* прибавляется показатель, состоящий из одиночного согласного, он, вопреки общему правилу, не вызывает переход согласного в предшествующем слоге в слабую ступень, т. е. не делает слог закрытым (как это должно происходить в вокалической основе). Для имен это можно продемонстрировать на примере GenPl: ср. *коту-’’* ‘пурга-GenPl’, *бету-’’* ‘кишка-GenPl’ с вокалической основой *кожу-’’* ‘тётя-GenPl’, для глаголов — на примере коннегатива, ср. *дюку-’’* ‘потеряться-CN’ с вокалической основой *няги-’’* ‘стереть-CN’.

Поскольку явления (i), (ii) и (iii) мотивированы только диахронически, на синхронном уровне нередко наблюдаются случаи выравнивания морфонологического поведения основ на *-<sup>C</sup>* по типу основ с вокалическим ауслатом: например, номинатив слова ‘кишка’, как указано в (4) выше, в нганасанском имеет вид *бету* (но 3Sg — *бету-ми*, GenPl *бету-’’*), т. е. для этого слова выполняются (ii) и (iii), но не (i), а коннегатив глагола *нэжу-сы* ‘быть видимым’ будет *нэжу-’’*, т. е. для этого слова выполняются (i) и (ii), но не (iii).

В ненецком и энецком в именных основах «морфонологической памяти» о финальных глайдах не сохраняется, но в глагольных наличием этимологического глайда обусловлен выбор особого алломорфа некоторых суффиксов с этимологическим консонантным кластером, например суффикса имперфективного причастия *\*-ntā(jā)* или футурального показателя, восходящего к сочетанию имперфективного суффикса *\*-ntā* с показателем аориста. В глаголах с исходом на глайд выступает алломорф причастного показателя, который восходит к праформе *\*-tā(jā)*, ср. причастие от глагола ‘прийти’ — т. нен. *to-da*, т. эн. *to-de* или от глагола ‘спать’ — т. нен. *xonyo-da*, т. эн. *kodu-de*. Исторически это обусловлено преобразованиями типа *\*w/j-nt > w/jt > t*: глайд, как и любой согласный, вызывает падение срединного согласного в трехсложном кластере, но затем в ненецком и энецком происходит падение ауслатных глайдов и в итоге остается одиночный *t*, см. [Guszev, Urmancijeva 2018].

### 3. Глагольные основы с консонантным ауслатом

#### 3.1. Непроизводные глаголы с консонантным ауслатом

Из глаголов с консонантным ауслатом на статус производных могут претендовать только глаголы структуры (C)VC: все двусложные глаголы с консонантным ауслатом, как кажется, являются производными<sup>4</sup>. Такие основы ниже будут разделены на несколько групп:

1) глаголы, для которых структура основы (C)VC может быть надежно постулирована для прасамодийского уровня (глагол возводится на прасамодийский уровень, структура (C)VC сохраняется у глагольной основы в селькупском и в одном из северносамодийских языков);

2) глаголы, которые возводятся на прасамодийский уровень, но которые сохраняют основу структуры (C)VC лишь в одной ветви самодийских языков, т. е. либо только в селькупском, либо только в каком-то из северносамодийских языков;

3) глаголы, основы которых имеют структуру (C)VC в селькупском и не имеют соответствий в северносамодийских языках;

4) глаголы, основы которых имеют структуру (C)VC в каком-либо из северносамодийских языков и не имеют соответствий в селькупском.

Приведенный ниже список требует одного предварительного комментария. Так, помимо производной основы структуры (C)VC, в списках цитируются производные от таких основ: нередко консонантная основа может не сохраниться в виде производного глагола, но при этом «задержаться» в кау-

<sup>4</sup> В статье не рассматриваются производные основы структуры CV(V)C- типа т. нен. *нот-*, эн. *нóот-*, нг. *нуомса* ‘объединиться’.

зативной производной или в производной с суффиксом *\*-kəl* (имеющей, по-видимому, значение интенсива и при этом аспектуально в селькупском имеющей либо значение множественного действия, либо значение семельфактива, в северносамодийских — только семельфактивное значение).

### 3.1.1. Глаголы, позволяющие возводить структуру основы (C)CV на прасамодийский уровень (основа имеет структуру (C)VC в селькупском и как минимум в одном из северносамодийских)

#### Основы на шумный согласный

##### \*t

*\*pät-* ‘проникнуть внутрь, нырнуть, зайти (о солнце)’ > ск. *pat-*, нг. *хосы* (CN *хожэ*”). Ср. также<sup>5</sup> итеративную производную т. нен. *pädyir-*, эн. *roder-*, нг. *хожырсы* ‘нырять’, см. также [Janhunen 1977: 114—115];

*\*pätkəl-* ‘нырнуть’ > ск. *patkəl-*, т. нен. *pəkəl-* ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, эн. *pokoro-* ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, нг. *хокалэсы* ‘проникнуть, пробраться’<sup>6</sup>, см. также [ibid.];

*\*pit-* ‘выделывать шкуру’ > ск. *pit-*, эн. *pis-* ‘выделывать скребком’, нг. *хыси* (Pf.01 *хызы”амэ*). Ср. также т. нен. *pyidyer-* ‘заниматься вторичной обработкой камысов’, эн. *pider-* ‘выделывать, разминать шкуру’ нг. *хытырсы* ‘скоблить’, ск. *pitə-* ‘выделывать шкуру’;

*\*pitkəl-*<sup>7</sup> > ск. *pitkəl-*, см. также [ibid.: 126];

*\*tjt-* ‘хватать’. Основа сохранилась в производном существительном ск. *tjssan*, т. нен. *ticyah*, эн. *tit’e* ‘клещи’, также в селькупском в глаголе, но с вокалической основой *tjtə-* [Alatalo 2004: 1074], см. также [Janhunen 1977: 160];

*\*üät-* ‘тащить’ > т. нен. *nyüq-* ‘потянуть, потащить’, ск. *üt-ər-mo* ‘волок’ (*-ər* — суффикс итератива, *-mo* — суффикс места действия) — это сопоставление отмечено в [Alatalo 2004: 116];

*\*ket-* ‘сказать, рассказать’ > ск. *ket-* ‘сказать’;

*\*ket-tə-* > т. нен. *xetə-* ‘рассказать’;

*\*ket-tā-* > эн. *kita-* ‘рассказать’, см. [Janhunen 1977: 66];

*\*pat-* ‘опустить в котел; поставить сеть’ > ск. *pōt-*, ср. также т. нен. *pyadə-*, эн. *pedi-*, нг. *huati-* ‘опустить в котел, поставить сеть’;

*\*pat-tə-* ‘опустить в котел; поставить сеть’ > т. нен. *pyatə-*, эн. *peto-*, см. также [ibid.: 118].

##### \*c

*\*māc-* ‘отрезать’ сохранилось только в рефлексах производной *\*mācā-* ‘отрезать’ > ск. *mačə-*, т. нен. *māda-*;

*\*māc-tə-* > т. нен. *mātə-* ‘ровно обрезать, выровнять’;

*\*māt-tā-* > нг. *матудя* (Pf. *мата”а*), эн. *mota-* ‘отрезать’, см. также [ibid.: 84];

*\*sac-* ‘укусить’ сохранилось в производных ск. *sāčə-*, т. нен. *syator-*;

*\*sac-kəl-* > т. нен. *syakəl-*, *syak<sup>o</sup>lā-*, эн. *sekoro-*, нг. *сакэлэ-*, см. также [ibid.: 136—137].

##### \*k

*\*pāk-* ‘копать, выкапывать, сверлить, вытаскивать’ > ск. *\*paḳ-* (*paḳ(ət)tə-* ‘копать’, *paḳərsan* ‘сверло’);

*\*pāk-kəl-* > нг. *хокалэсы* ‘проникнуть, вклиниться, пробраться, пролезть’;

*\*tāk- ~ \*tāk- vs. \*tək- vs. tak-* ‘собрать’ > ск. *tak-* ‘собрать’, нг. *ma”ca* (CN *маку*) ‘собрать’;

*\*tākkəl-* > ск. *taḳḳəl-*;

*\*tāk-* ‘спрятать, сохранить’ > ск. *taḳ-* ‘закопать, засыпать’;

*\*tākkəl-* > ск. *taḳḳəl-* ‘засыпать’, т. нен. *təkəl-* ‘спрятать’ [? из нен. > эн. *tekara-*], см. также [ibid.: 146];

*\*nāk- ~ \*nek-* ‘тянуть’ > ск. *nek-*, ср. также т. нен. *nexə-*, т. эн. *nexo-* ‘взять’, *nexo-* ‘потащить, вытаскивать’, л. эн. *nohora-*, т. нен. *nex<sup>o</sup>bta-*, т. эн. *nexote-*, нг. *нягэбтысы* ‘дернуть’;

*\*nākkəl-* > ск. *nnḳḳəl-*, т. нен. *nekəl-*, т. эн. *nekoro-*, нг. *някалэсы*, см. также [ibid.: 100].

<sup>5</sup> После «ср. также» приводятся глаголы, производные от того же корня, не сохранившие консонантную основу.

<sup>6</sup> В энецком и нганасанском суффикс *\*-kəl* в рассматриваемых общесамодийских производных всегда дает рефлекс вокалического типа: эн. *-koro*, нг. *-кэлэ* (возможно, таков рефлекс именно после консонантной основы, ср. после вокалической нг. *буа-гел-сы*, т. эн. *туа-хар-* ‘перешагнуть’).

<sup>7</sup> Поскольку данные современных самодийских языков не позволяют решить вопрос о наличии во втором слоге противопоставления *\*ā ~ \*ä*, в настоящей работе символ *\*ä* в непервых слогах может потенциально отражать и *\*ā*, и *\*ä*.

Основы на сонант**\*m**

\**ām-* ‘съесть’ > ск. *am-*, т. нен. *ḡam-*, эн. *om-*, нг. *ḡamса*, см. также [ibid.: 15];

\**tām-* ‘завернуть, свернуть в трубочку’ > ск. *tam-tāl-* ‘завернуть’ — т. нен. *tāmtāl-* ‘сложить, свернуть’, нг. *tāmtālэсы* ‘согнуть, свернуть’, см. также [ibid.: 147];

ср. \**tomkāl-* > нг. *tumkālэ-* ‘сложить, свернуть в трубочку’;

\**jom-* ‘идти (о снеге)’ > ск. *śom-* ‘идти (о снеге)’, нг. *d’ūm* ‘снегопад’, ср. также нг. *d’ūmu-* ‘снежить’, *d’ūmagaḡa* ‘погода с мокрым снегом’;

\**jom-kä-* > т. нен. *yomcuе-* ‘идти, падать — о мягком пушистом снеге (во время тёплой погоды)’, *yomcuah* ‘мягкий пушистый снег, снегопад’, т. эн. *d’ud’iḡ* ‘мягкий пушистый снег, снегопад’;

\**jom-kə-* > нг. *дьюмкүмү* ‘‘снежинки’’, *дьюмкэлирса* ‘облеплять’, эн. *d’ugori* ‘снегопад’, см. также [ibid.: 46].

**\*n**

\**pān-* ‘сплести, заплести’ > ск. *pan-*, нг. *хонса*;

\**pānkāl-* > ск. *pankāl-*, т. нен. *pāḡkāl-*, эн. *pogoro-*, см. также [ibid.: 113];

\**pen-* ‘положить’ > ск. *pen-*, т. нен. *peh-*, эн. *pin-*, нг. *хуанса*, см. также [ibid.: 118];

\**mōn-* ‘говорить’ > ск. *motra* ‘говорят; мол’, т. нен. *tah-*, эн. *mon-*, нг. *мунса*, см. также [ibid.: 88];

\**kān-* ‘пойти’ > ск. *ḡan-* ‘пойти’, ср. также т. нен. *хапəḡ-* ‘становиться’ (= эн. *kānis-*), нг. *коныди*, т. эн. *kane-*, л. эн. *kañi-* ‘пойти’;

\**kāntā-* ‘унести, увести’ > ск. *ḡantā-*, т. нен. *xana-*, эн. *kada-*, нг. *контудя*, см. также [ibid.: 59];

\**men-* ‘двигаться, идти’ > т. нен. *myin-*, нг. *мынсы*;

\**mentä-* ‘нести’ > т. нен. *myinye-*, эн. *mide-*, ср. также нг. *миндысы*, см. также [ibid.: 94]<sup>8</sup>.

**\*ḡ**

\**wāḡḡ-* ‘течь (о реке)’ > ск. *kōḡ-* ‘течь (о реке)’, сохранилось в составе производных существительных т. нен. *yentḡq*, эн. *bioduḡ* ‘течение’, см. также [ibid.: 174], где восстанавливается праформа \**weḡ-* (в используемой в данной статье системе \**wān-*), однако энецкий материал указывает скорее на \**wāḡḡ-*.

**\*r**

\**er-* ‘выпить’ > ск. *ēr-*, т. нен. *ḡer-*, см. также [ibid.: 21—22];

\**tar-* ‘делить’ > ск. *tār-*, т. нен. *tyar-*, эн. *ter-*, нг. *тарса*, см. также [ibid.: 154].

Основы на глайд**\*j**

\**māj-* ‘сделать’ (вся релевантная информация приведена в [ibid.: 92]);

\**tuḡ-* ‘прийти’ (вся релевантная информация приведена в [ibid.: 164]);

\**tūj-* ‘войти’ (вся релевантная информация приведена в [ibid.: 167]);

\**pāj-* ~ \**pāj-* ‘завернуть, обернуть’ > в т. нен. сохраняется производная с каузативным суффиксом *paebta-* ‘обернуть, завернуть, скрутить, запутать’;

\**pājkal-* ~ \**pājkal-* > ск. *pajkal-* ‘заматывать’, эн. *roxoro-* ‘запутать’, нг. *хуйкэлэсы* ‘скрутить, обмотать, обвить’, см. также [ibid.: 115].

3.1.2. Только одна из ветвей самодийских языков  
показывает глагольную основу структуры CVC,  
но сам глагол возводится на прасамодийский уровень

Основы на шумный согласный**\*t**

\**kāt-* ‘убить, добыть’ > ск. *ḡāt-*, ср. также т. нен. *xada-*, эн. *kada-*, нг. *котудя*, см. также [ibid.: 57];

\**nāt-* ‘выскоблить шкуру’ > т. нен. *nəḡ-*, эн. *nos-*, нг. *нə”ca* (Pf.о3 *нəḡу”əty*), ср. также ск. *nat-* < *natāt-* [Alatalo 2004: 1351], см. также [Janhunen 1977: 97];

\**sājt-* ‘сшить’ > ск. *sūt-/ śūt-*, ср. также т. нен. *sædə-*, т. эн. *sadur-*, л. эн. *sodur-*, нг. *сочедя*, см. также [ibid.: 134];

<sup>8</sup> Прасамодийский характер основы, как и ее принадлежность к классу консонантных, доказывается ее наличием в камасинском, см. [Janhunen 1977: 94—95].

\**pɯjt*<sup>1</sup> - ~ \**pɯjt*<sup>1</sup> - 'походить на кого-л.' > ск. *pūt*- (также *pūtu*-), ср. также т. нен. *pida*-, эн. *pida*-, см. также [ibid.: 131];

\**tāt*- 'принести' > ск. *tat*-, ср. также эн. *toda*-, нг. *tətudy*, см. также [ibid.: 145];

\**tāt*- 'вычерпать из котла' > ск. *tīt*- 'класть еду в тарелку', ср. также т. нен. *tyedə*-, эн. *tedi*-, нг. *четə*- 'вынуть мясо из котла';

\**kat*- 'крутить, переворачивать' > ск. *kāt*- 'крутить, переворачивать', которому соответствуют т. нен. *syad<sup>o</sup>xəl*-, эн. *sedoxoda*- (возможность сравнения с ненецким материалом отмечена в [Alatalo 2004: 1875]). Вероятно, глагол связан со словом 'лицо', ср. рус. 'перелицевать'.

#### \*c

\**nic*- 'рвать', ср. ск. *niča* 'рвать', т. нен. *nidəq*-, эн. *nidus*-;

\**nickəl*- > ск. *ničkal*-, т. нен. *nikəl*-, см. также [Janhunen 1977: 101].

Для приведенного ниже глагола все самодийские языки отражают праформу CVCV-, и только в нганасанском он имеет основу структуры CVC-:

\**jac(ə)*- 'выковать' > т. нен. *yadə*-, т. эн. *d'edo*-, л. эн. *d'ado*-, ск. *čāčā*, но нг. *дя"ся* (коннегатив *дяжə*"), см. также [ibid.: 39].

#### \*p

\**jp*- 'сдавить, сжать' > ск. *jp*- 'сдавить, сжать', т. нен. *ḡibər*- 'смять, помять, размять (руками)'; т. нен. *ḡibka*- 'ущипнуть, зажать'; возможно, сюда же относится нг. *ḡibaada* 'ощупать';

\**jp-kəl*- > ск. *ḡpkəl*- 'вдавить', см. также [ibid.: 25].

### Основы на сонант

#### \*m

\**ḡim*- 'сосать' > ск. *ḡim*-, *ḡimər*- 'сосать', *ḡima* 'грудь', ср. также нг. *нимир*- 'сосать', *ними* 'грудь; молоко', т. эн. *niutagu*-, *niutera*- 'сосать', см. также [ibid.: 110—111]<sup>9</sup>.

#### \*n

\**wen*- 'вытягиваться' > ск. *ken*- 'вытягиваться', ср. также т. нен. *wenabta*- 'растянуть', *wenəḡka*- 'тянущься', *wenəḡ*- 'протянуть', эн. *bunus*- 'растянуть', *bunana*- 'растягиваться', *bunəir*- 'растягивается', *bunoro*- 'вытянуть', нг. *банəдя* 'растянуть', *банүрүся* 'растягиваться', *банүркүся* 'растягивать', *банү"тəса* 'растягивать', *банəлəса* 'вытянуть'; сопоставление селькупского и северносамодийского материала предложено в [Alatalo 2004: 2040].

#### \*ñ

\**wjñ*- 'согнуть лук' > ск. *kñ*- 'натянуть, зарядить лук', т. нен. *wñh*- 'натянуть (аркан, лук)'. В [Janhunen 1977: 175] представлена реконструкция \**wjñ*- 'зарядить лук', Е. А. Хелимский предлагает реконструировать праформу этого глагола в виде \**wjñ*-, что, по его мнению, открывает возможность сопоставления с мт. *tujuḡbta*- 'гнуть, сгибать', т. нен. *wjyabta*- 'согнуть', т. эн., л. эн. *bujorta*- 'согнуть', которые он рассматривает как рефлексy \**wjñzptā*-, см. [Helimski 1997: 310, сл. ст. 699].

#### \*r

\**kär*- 'одеться' > ск. *šēr*- 'одеться', ср. также т. нен. *syerə*-, эн. *sero*- 'надеть', нг. *серəди* 'надеть; приобрести', см. также [Janhunen 1977: 68];

\**mār*- 'сломать' > ск. *mor*- ~ *mōr*- ~ *mur*- 'сломать', ср. также т. нен. *mər<sup>o</sup>do*- 'сломаться', т. эн. *moree*- 'сломаться'<sup>10</sup>, нг. *мəруса* (CN *мəру*"), нганасанские формы указывают на основу *мəру*<sup>c</sup>- 'сломаться';

\**mārkal*- > ск. *mōrkəl*-, см. также [ibid.: 87].

Следующие два сопоставления предложены в [Урманчиева, рук.]:

\**kāār*- 'выпить' > ск. *šēr*- 'напиться допьяна', нг. *c'uəры*- 'выпить (любую жидкость)';

\**kār*- 'войти' > ск. *šēr*- 'войти', нг. *c'еры*- 'внести, занести' (что касается возможности семантического сопоставления этих двух глаголов, один из которых является переходным, а второй — непереходным, можно опереться на аналогию: нг. глагол *тойбуса* 'перевезти на новое место' отражает прасеверносамодийский

<sup>9</sup> В [Janhunen 1977: 110—111] к сопоставлению привлечен также глагол т. нен. *niimnyu*- 'сосать', которому, однако, соответствуют эн. *nina*- 'высосать' (также 'разгрызть') и нг. *нюмню*- 'высосать'. Есть также фонетически схожий ряд т. нен. *ḡəтуа*- 'сосать грудь', *ḡəтуа* 'грудь', т. эн. *ии*, л. эн. *иі* 'грудь', т. эн. *niutagu*-, л. эн. *uitagu*- 'сосать', о чем см. [Хелимский 1986, этимология 9].

<sup>10</sup> Возможно, энецкая форма соответствует т. нен. *məly<sup>o</sup>yo*- 'сломаться'.

дийское *\*t<sup>l</sup>ājwā-* (с дополнительным суффиксом в нганасанском), рефлексy которого в ненецком, энецком и маторском означают ‘дойти’).

### \*l

В [Janhunen 1977: 141] реконструируется глагол *\*sil-* ~ *\*sejl-* ~ *sel-* ‘наточить’, к праформе *\*sejl-* возводятся нен. *syil-* ‘наточить’ и км. *sēl-l'əm*, отношение к этой праформе ск. *sel₂-* с тем же значением не вполне ясно.

### Основы на глайд

#### \*j

*\*pāj-* ‘рубить, колоть’ сохранилось в селькупском в суффиксальной производной ск. *paśal-*, в северносамодийских — в производной основе *\*pāj-s-*: т. нен. *pæq-* ‘расколоть дрова’, нг. *xou''cu* (CN *xoude*) ‘нарубить дров’, эн. *petur-* (< *\*pāj-s-ntur*) ‘рубить’, см. также [ibid.: 112].

В нескольких случаях консонантная основа вида CVC представлена в северносамодийских, но сопоставление с селькупским материалом показывает, что в этих глаголах исконной была структура CV:

*\*mi-* ‘дать’ > ск. *mi-*, но т. нен. *myiq-*, эн. *mis-*, нг. *миси* (CN *миде*), см. также [ibid.: 94];

*\*wə-* ‘быть лишним’ > ск. *kuā* ‘лишний’, но т. нен. *wəq-* ‘быть лишним, излишним, сверх чего-л.’, *wədum-* ‘стать лишним’, эн. *boda-*, нг. *бэтэдя* ‘быть лишним’, см. также [ibid.: 168];

*\*pū-* ‘дуть’ > ск. *pū-*, но т. нен. *pūq-* ‘подуть’, т. эн. *puer-* ‘дуть’, *puaro-* ‘подуть’, л. эн. *pueso-*, нг. *хуарса* ‘дуть’, *хуалэса* ‘подуть’, см. также [ibid.: 128—129].

### 3.1.3. Глагол (C)VC представлен только в селькупском

#### Основы на шумный согласный

#### \*t

*\*tat-* ‘идти’ > ск. *tāt-*;

*\*tatkəl-* ‘снимать сети; собирать’ > ск. *tātqəl-*.

#### \*k

*\*nok-* ‘оттолкнуть’ > ск. *noq-*;

*\*sək-* ~ *\*sāk-* ‘наполнить, набить, затолкать’ > ск. *saq-* ~ *sāq-*;

*\*sok-* ‘ползти’ > ск. *soq-*.

#### \*p

*\*təp-* ‘растоптать’ > ск. *tap-*;

*\*sip-kəl-* ‘прятать’ > ск. *sipqəl-*.

#### Основы на сонант

#### \*ŋ

*\*koŋ-* ‘провалиться, утонуть’ > ск. *qoŋ-*.

#### \*r

*\*pārəkəl-* ‘сморкаться, выжимать белье, мять’ > ск. *parqəl-*.

### 3.1.4. Глагол (C)VC представлен только в северносамодийских языках

#### Основы на шумный согласный

#### \*t

*\*kət-* ‘перевязать’ > нг. *кэса* (CN *кэжэ*).

#### \*k

*\*jok-* ‘потерять’ > т. нен. *yoq-*, эн. *d'us-*, нг. *дюса* (CN *дюкэ*) ‘потерять’.

#### \*t<sup>3</sup>

*\*pāt<sup>3</sup>-kəl-* ‘вколоть’ > т. нен. *pakəl-*, т. эн. *pakoro-*, нг. *hokələ-*;

*\*tāt<sup>3</sup>-kəl-* ‘заткнуть’ > т. нен. *tyekəl-*, т. эн. *tekoro-*.

нен.-эн. **s**<sup>11</sup>

\**wās-* ‘загородить’ > т. нен. *waq-*, эн. *bas-*; возможно, связано со словом \**wat* ‘загон’, см. [Janhunen 1977: 171]<sup>12</sup>;

\**sās-* > т. нен. *sāq-* ‘сильно, очень; быть сильным, быстрым’, эн. *sos-* ‘быть упрямым, бойким’ (? ск. О *sača* ‘прочный’ — если это селькупское слово соответствует ненецкому и энецкому, следует восстанавливать прасамодийскую праформу \**sāč-*).

#### Основы на сонант

\***r**

\**mār-* ‘отобрать’ > т. нен. *mār-*, эн. *mor-*, нг. *mārcы*, в [ibid.: 87] добавлен также камасинский материал, но соответствие отмечено как нерегулярное.

\***l**

\**sāl-* ‘вернуться’ > т. нен. *sāl-* ‘вернуться’, эн. *sor-*.

\***n**

\**san-* ‘жалеть’ > т. нен. *syah-* ‘жалеть’, эн. *ser-*;

\**kān-* ‘позвать’ > т. нен. *yah-*, эн. *kar-* (в энецком, вероятно, такая же замена *n* > *r*, как в случае каптивных глаголов; ? ср. также ск. *kuārə-*, см. [ibid.: 54]);

\**pān-* ‘иметь’ > нг. *хонсы* ‘иметь’; в энецком представлена производная с итеративным суффиксом *poner-* ‘носить, держать’, с названием какой-либо деятельности в качестве дополнения также имеет значение ‘заниматься чем-л.’.

Следующие глаголы представлены только в ненецком.

#### Основы на шумный согласный

\***s**

*tæq-* ‘вытереть’<sup>13</sup>.

#### Основы на сонант

\***n**

*yah-* ‘сплести, соединить, срастить <что-л.> (<например, части аркана, хорея, невода и т. п.>)’;

*xeh-* ‘унять(ся), успокоить(ся)’;

*poh-* 1) ‘стать густым’ 2) ‘смешаться с чем-л.’;

*tyoh-* ‘развесить, выставить для просушки’.

\***l**

*nyal-* ‘уместиться в чем-л., налезть на что-л.’;

*syal-* ‘перекрутиться (веревка, аркан)’.

\***r**

*pæər-* ‘делать’;

*lær-* (ямальский говор) ‘стать редким (о зубах); стать неплотно прилегающим (о склеенной посуде)’.

Таким образом, на прасамодийском уровне вполне надежно реконструируются непроеизводные односложные основы с консонантным ауслаутом на сонант (*-m*, *-n*, *-ŋ*, *-r*), смычный (*-t*, *-c*, *-k*) и глайд (*-j*), если прибавить данные второй группы (глагол может быть отнесен к прасамодийским, но консонантная основа сохранилась только в одной ветви самодийских языков), добавляются также смычный *-p* и сонанты *-l* и *-ŋ*.

В языках-потомках наблюдается следующая картина: во-первых, все языки в той или иной мере стремятся к устранению основ CVC — большинство таких основ переходит в более широкий класс CVCV или же рефлексy глагольного корня данной фонетической структуры сохраняются только в со-

<sup>11</sup> В этой группе представлены только глаголы ненецкого и энецкого, в которых ауслаутный *-s* может отражать различные ауслаутные смычные.

<sup>12</sup> Отнесение к данной этимологической статье в [Janhunen 1977] селькупского слова *kuāččə* ‘город’ ошибочно из-за начального увулярного (\**w* в селькупском соответствовал бы велярный *k*), так что надежно только объединение северносамодийского материала.

<sup>13</sup> Эн. *taa-* ‘вытереть’ соответствует т. нен. *tawə-* ‘вытереть’.

ставе основ с дополнительным суффиксальным оформлением. Во-вторых, языки-потомки по-разному обошлись с набором согласных, возможных в консонантном ауслауте основ CVC. Пожалуй, наиболее «толерантен» к широкому набору ауслаутных согласных селькупский язык: в нем сокращение происходит только за счет действия общих законов исторической фонетики — в селькупском не сохраняются ауслаутные *\*-j* и *\*-ŋ*, поэтому и глагольные основы, этимологически оканчивающиеся на эти согласные, в селькупском перешли в класс односложных вокалических основ CV. Все остальные консонантные ауслауты в селькупском сохранились.

В северносамодийских языках набор согласных в ауслауте глагольных основ структуры CVC сокращен не только в результате действия правил исторической фонетики, но также и в результате действия тенденции выравнивать этот набор по набору консонантных ауслаутов, возможных в производных глагольных основах. Последовательность, с которой проявлялось действие этой тенденции, не одинакова в разных северносамодийских языках и для различных ауслаутных согласных. Более всего «пострадали» глагольные корни на шумный смычный. Таких общесамодийских глаголов по спискам 3.1.1 и 3.1.2 можно выделить 20, из них в северносамодийских глагольную основу структуры CVC без дополнительного суффиксального оформления сохранили четыре. Нганасанский во всех четырех случаях сохраняет этимологический ауслаутный согласный:

*\*pät-* ‘нырнуть, зайти (о солнце)’ > нг. *хо”си* (CN *хожэ*”);

*\*pit-* ‘выделывать шкуру’ > нг. *хысы* (Pf.o1 *хызы”амэ*);

*\*nät-* ‘выскоблить шкуру’ > нг. *нэ”са* (Pf.o3 *нэзу”эту*);

*\*tāk- ~ \*tāk-* vs. *\*tek-* vs. *tak-* ‘собрать’ > нг. *та”са* (CN *таку*”);

сюда же можно прибавить общий северносамодийский глагол

*\*jok-* ‘потерять’ > нг. *дюса* (CN *дюкэ*”).

В ненецком и энецком происходит выравнивание консонантного ауслаута этих основ: они заканчиваются на *-s*, т. е. в данном случае происходит выравнивание основ по продуктивному морфонологическому типу — по отглагольным производным интенсивно-перфектной семантики с суффиксом *-s* (типа т. нен. *wabtəq-*, эн. *batus-* ‘вылить, высыпать в большом количестве’) или отыменным основам со значением ‘считать, называть, иметь’ с омонимичным суффиксом (типа т. нен. *puwəq-*, эн. *eis-* ‘считать, называть матерью’). При этом в основах, оформленных деривационным суффиксом, сохраняются рефлекс-ы этимологического ауслаутного согласного. В ненецком и энецком встречаются следующие основы:

*\*nät-* ‘выскоблить шкуру’ > т. нен. *nəq-* (CN *nəsəq*), эн. *nos-* (CN *nosə?*), но ср. итеративные дериваты, сохраняющие рефлекс этимологически исконного согласного т. нен. *nədor-*, эн. *nodur-* ‘выскабливать шкуру’;

*\*pit-* ‘выделывать шкуру’ > эн. *pis-* (CN *piso?*), но ср. итеративный дериват, сохраняющий рефлекс этимологически исходного согласного *pider-* ‘выделывать, разминать шкуру’ (в ненецком глагольный корень не сохранился в основе структуры CVC-, есть только соответствующий энецкому итеративный дериват *pyidyer-*);

*\*jok-* ‘потерять’ > т. нен. *yəq-* (CN *yəsəq*), эн. *d’us-* (CN *d’uso?*), но ср. стативно-декаузативные дериваты, сохраняющие рефлекс этимологически исконного согласного т. нен. *yəxo-*, эн. *d’oxu-* ‘потеряться, заблудиться’.

Непроизводные глагольные корни структуры CVC с сонантом в ауслауте ведут себя в северносамодийских языках следующим образом.

Непроизводный глагольный корень структуры CVC с *-m* в ауслауте отмечается во всех северносамодийских языках, ср. нг. *хамса*, т. нен. *həm-*, эн. *om-* ‘съесть’. В энецком и ненецком, где существует тенденция выравнивания консонантных ауслаутов непроизводных глагольных основ структуры CVC по консонантным ауслаутам производных основ, это дополнительно поддерживается наличием деривационных суффиксов на *-m*. Это отглагольные суффиксы: рефлекс-ы общесамодийского инхоативного (образованные с помощью данного суффикса глаголы спрягаются по субъектному спряжению), как т. нен. *hədyim-*, эн. *odim-* ‘стать видимым’ или т. нен. *waqum-*, эн. *banum-* ‘прилечь (о животном)’, ненецкий семьelfактивный (образованные с помощью этого суффикса глаголы спрягаются по субъектному спряжению), как т. нен. *yəsəm-* ‘сверкнуть’, и рефлекс-ы общесамодийского отыменного суффикса со значением ‘стать каким-л., чем-л.’ типа т. нен. *yəjom-*, эн. *d’eum-* ‘испачкаться в саже’ или т. нен. *yorəm-*, эн. *d’ōrim-* ‘стать глубоким’ (возможно, совпадающий с отглагольным инхоативным).

Непроизводный глагольный корень структуры CVC с *-r* в ауслауте сохраняется во всех северносамодийских языках, ср. т. нен. *tyar-*, эн. *ter-*, нг. *тапса* ‘делить’. В энецком и ненецком сохранение таких основ получает дополнительную поддержку за счет существования широкого класса производных отглагольных основ с итеративным значением с общесамодийским суффиксом *-r*, ср. т. нен. *yader-*, эн. *d’adur-* ‘ходить’.

Непроеизводный глагольный корень структуры CVC с *η* в ауслауте *\*wäəη-* ‘течь (о реке)’ не сохранился ни в одном из северносамодийских языков в виде глагольной основы структуры CVC.

Непроеизводный глагольный корень с *ñ* в ауслауте встречается только в ненецком: *\*wñ-* ‘согнуть лук’ > т. нен. *wñ-* (основы на *\*-ñ* относятся в ненецком к тому классу, который в [Salminen 1997: 77] обозначается как класс *n ~ j̄*, т. е. класс, где происходит чередование *n* и *j̄* следующего типа: перед согласным выступает *n*, перед гласным — *j̄*, т. е. инфинитив *wñcy*<sup>o</sup>, но коннегатив *wñy<sup>o</sup>q*). Сохранение этого ауслаута в ненецком получает дополнительную поддержку за счет существования класса отыменных производных глаголов с общесамодийским суффиксом, восходящим к *\*-ñ*, имеющих *каптативное* (термин используется в [ibid.]) значение, ср. т. нен. *syawoh-* ‘очистить от чешуи’, *məraŋkih-* ‘собирать морошку’. (В нганасанском каптативные глаголы образуются при помощи другого суффикса, ср. *мурыцгазу-* ‘собирать морошку’, в энецком каптативные глаголы, как и основы на *\*-n*, выровнялись по морфонологическому типу *r*-основ, ср. *seir-* ‘очистить от чешуи’, *morager-* ‘собирать морошку’.)

Все прасамодийские непроеизводные глагольные корни с *-n* в ауслауте сохраняются в нганасанском. В ненецком они выровнялись по морфонологическому типу *\*-ñ*-основ (как уже говорилось выше, в ненецком есть именно этот продуктивный морфонологический тип за счет класса каптативных глаголов с суффиксом *\*-ñ*). Например, глагол т. нен. *peh-* ‘положить’ (< *\*peñ-*) относится в т. нен. к классу *n ~ j̄*-глаголов, т. е. имеет инфинитив *pecy*<sup>o</sup>, но коннегатив *pey<sup>o</sup>q*. В энецком эти глаголы ведут себя по-разному: часть сохраняет *n*-основы (*pun-* ‘положить’, *tan-* ‘сказать’), часть выравнивается по тому же продуктивному *r*-классу, что и каптативные глаголы (*ser-* ‘жалеть’, *kar-* ‘позвать’).

Непроеизводный глагольный корень с *-l* в ауслауте сохраняется в ненецком *səl-* ‘вернуться’ (в энецком ему соответствует *sor-* — в энецком по правилам исторической фонетики *l > r*). В ненецком есть еще две глагольные основы структуры CVC с *-l* в ауслауте, выглядящие как непроеизводные: *nyal-* ‘уместиться в чем-л., налезть на что-л.’; *syal-* ‘перекрутиться (веревка, аркан)’. Морфонологически *l*-основы получают поддержку от широкого класса производных основ с ауслаутным *-l*, например от инхотативных производных типа *núl-* ‘встать’ или аттенуативно-моментальных производных типа *wədaχəl-* ‘зацепить(ся)’.

Непроеизводные основы на *\*j̄* сохраняются в нганасанском, ауслаутный *j̄ > 0* в ненецком и энецком, однако в обоих языках глагольная основа выбирает алломорфы имперфективного причастия или футурального показателя, свойственные консонантным основам, ср. *\*toj* ‘прийти’ > нг. *туйся*, т. нен. *to-* (имперфективное причастие *toda*), эн. *tû-* (имперфективное причастие т. эн. *tôde*, л. эн. *tôda*).

### 3.2. Производные глаголы с консонантным ауслаутом

Теперь перейдем к обзору консонантных ауслаутов производных глагольных основ (некоторые из суффиксов, формирующих консонантные ауслауты, уже упоминались выше). Для прасамодийского можно установить следующий набор относящихся к суффиксу согласных, формирующих консонантный ауслаут:

*\*-t* для селькупского (и камасинского) ~ *\*-s* для северносамодийских: отыменные глаголы со значением ‘использовать что-то; считать кем-то’, например ск. *katət-*, т. нен. *хədyeq-* (CN *хədyes<sup>o</sup>q*), эн. *kodes-*, нг. *каџа”са* (CN *катаде”*) ‘поцарапать’. Функционально селькупский и северносамодийские суффиксы тождественны, однако фонетического соответствия ск. *-t* ~ с.-сам. *-s* в ауслауте (как, впрочем, и в любой другой позиции) нет. Нерегулярное фонетическое развитие при этом демонстрируют северносамодийские языки.

*\*-r*: итеративный суффикс, ср. ск. *amər-*, т. нен. *ηəwor-*, эн. *ôôr-*, нг. *џамурса* ‘есть’.

*\*-l*: см. выше многочисленные примеры производных с прасамодийским суффиксом *\*-kal* типа *\*pātkał-* ‘нырнуть’ > ск. *patkał-*, т. нен. *pəkał-* ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, эн. *pokoro-* ‘проникнуть, пробраться; погрузиться; зайти (о солнце)’, нг. *хокалэсы* ‘проникнуть, пробраться’.

*\*-m*: ср. общесамодийский суффикс, образующий отыменные глаголы ‘стать каким-л. / чем-л.’: ск. *čēləm-* ‘родиться’, т. нен. *yalum-*, эн. *d’erim-*, нг. *дяламса* ‘рассвести’ (производно от *\*jälä* ‘день, свет’ [Janhunen 1977: 40]).

*\*-ñ*: есть, по всей видимости, несколько подобных суффиксов. Это уже упоминавшиеся каптативные производные, рефлексy которых сохранились в ненецком, селькупском и нганасанском, ср. ск. *čopəraj-* ‘собирать ягоды’ и т. нен. *məraŋkih-* ‘собирать морошку’. В энецком не сохранилось следов основ с ауслаутом на *-ñ*. В нганасанском можно предполагать следы каптатива в глаголах типа *таачу-* ‘пасти оленей’ (из *\*teə-ñ-tā-*, я благодарю В. Ю. Гусева, обратившего мое внимание на такие случаи).

**\*-w:** суффикс с данным ауслаутом образует во всех языках стативно-декаузативные глаголы (см. [Гусев 2010], где впервые рассматриваются в исторической перспективе эти производные всех самодийских языков). Основания для реконструкции этого финального глайда, подробно проанализированные в [там же], вкратце изложены в разделе 2 настоящей статьи. Сейчас нас в большей степени интересует, какой эффект присутствие этого глайда оказывает на предшествующий гласный производящей глагольной основы. Ниже приводятся несколько вполне известных примеров образования стативно-декаузативных производных от основ с различными этимологическими гласными в ауслауте.

— основы на **\*-a:** от **\*kontā-** ‘уснуть’ образуются следующие производные со значением ‘спать’: ск. *konti-*, т. нен. *хонуо-*, т. эн. *kodu-*, л. эн. *kōdi-*, нг. *кундуаса*, км. *kunōl'am*;

— основы на **\*-ä:** от **\*kājā-** ‘оставить’ образуются следующие производные со значением ‘остаться’: ск. *kuāci-*, т. нен. *хауо-*, эн. *kai-*, нг. *коуса*, км. *kojōl'am*;

— основы на **\*-ê:** от **\*āmtā-** ‘сидеть’ образуются следующие производные со значением ‘сесть’: ск. *āmti-*, т. нен. *ямтуо-*, т. эн. *adu-*, л. эн. *adi-*, нг. *номтуса*, км. *amñōl'am*.

Однако выбор алломорфа не всегда предопределен финальным этимологическим гласным, и необходимо описывать распределение алломорфов в каждом конкретном языке.

В камасинском этот суффикс выступает в единственной форме **-ō**, вытесняя этимологический финальный гласный основы.

В селькупском он имеет три варианта: **-u**, как в ск. *atu-* (? *attu-*) ‘быть видимым’ или ск. *ūntu-* ‘слышаться, звучать’, **-i**, как в *āmti-* ‘сидеть’, и **-čə**, как в *kukəčə-* ‘качаться’. В [Alatalo Ms.] указано, что появление варианта **-čə** (который фонетически может быть и не связан регулярным образом с **-i** или **-u**) связано с редукцией гласных последних слогов: различие между **u** и **i**, с одной стороны, и **ə**<sup>14</sup> — с другой, из всех селькупских диалектов сохраняет только кетский, так что, например, в северном диалекте глаголы ‘повесить’ и ‘висеть’ оказываются омонимичными и оба имеют форму *itə-*. Поэтому следует считать, что исконно в селькупском суффикс имел форму **-i** и вытеснял финальный гласный основы либо присоединялся к консонантным основам, ср. возвратную производную *pini-* ‘превратиться’ от глагола *rep-* ~ *pīn-* ‘положить’ [Alatalo 2004: 491].

Из северносамодийских языков последовательное распределение алломорфов демонстрирует только нганасанский, данные которого будут подробно рассмотрены ниже.

#### Основы на **\*a:** нг. **u** > **ua<sup>C</sup>** (**\*a + w** > **ew**)

*бэбтудя* ‘перевернуть’ > *бэбтуаса* ‘перевернуться’;

*бэтудя* ‘вырастить’ > *бэзуаса* ‘вырасти’;

*контудя* ‘увести, унести, отнести’ > *кондуаса* ‘вести; быть направленным’;

*кунтудя* ‘уснуть’ > *кундуаса* ‘спать’;

*кэбтудя* ‘погасить’ > *кэбтуаса* ‘погаснуть’;

*күрүдя* ‘запутать’ > *күрүаса* ‘запутаться’.

#### Основы на **\*ä:** нг. **i/i** > **u<sup>C</sup>** (**\*ä + w** > **ow**)

*туты-* (Pf.03 *туты* ‘эты’) ‘поставить, встать вертикально’ > *туту<sup>C</sup>-* (Praes.s3 *тутуты*) ‘находиться в правильном положении’;

*коиди* ‘оставить’ > *коуса* ‘остаться’.

Интересно, что именно этот гласный мы находим в нг. глаголе *ңэжусы* ‘быть видимым’: если предполагать его производность от нг. *ңэтэдя* ‘увидеться, найти, проверить, встретить’, гласный в нем будет нерегулярен, зато он совершенно закономерно наследует прауральской форме **\*itā-** > прасамодийский **\*\*äitā-** (и в прасамодийском, в силу семантики, этот глагол получает дополнительное оформление стативно-декаузативным показателем, что и дает **\*äitā-jw**, к которому восходят формы всех современных самодийских языков).

Нерегулярны два глагола схожей фонетической структуры, этимологически относящиеся к разным подгруппам, но ведущие себя в нганасанском одинаково:

*китиди* ‘разбудить’ (**\*kitā-**) > *күжүаса* ‘проснуться’;

*ңитиди* ‘повесить’ (**\*itā-**, но нг. скорее демонстрирует рефлекс **\*itā-**) > *ңүжүаса/ңүжүаса* ‘висеть’.

#### Основы на **\*ê:** нг. **ə** > **ü<sup>C</sup>**, если основа относится к U-классу и не более чем двусложная

*ңэтэдя* ‘увидеть(ся); найти; проверить; попробовать (*попытаться*); встретить’ > *ңэжүся* ‘видеть, следить, наблюдать’;

*бэнэдя* ‘лечь, устать’ > *бәнүся* ‘лежать’;

<sup>14</sup> В котором в селькупском в непервых слогах, в свою очередь, слились прасамодийские **\*a**, **\*ä** и **\*ê**.

*таләдя* ‘закрыть(ся)’ > *талюся* ‘быть закрытым’;  
*латәдя* ‘приготовить(ся)’ > *латүся* ‘быть готовым, храниться в запасе’;  
*маләдя* ‘стать чумом’ > *малюся* ‘стоять чумом’;  
*нетәруса* ‘поставить вертикально’ > *незүся* ‘стоять вертикально’;  
*һомтәдя* ‘сесть’ > *һомтүся* ‘сидеть’;  
*һәмтәдя* ‘почувствовать’ > *һәмтүся* ‘чувствовать’.

**Основы на \*ә: нг. ә > i<sup>C</sup>, если основа относится к I-классу и не более чем двусложна, а также в третьем (? и последующем) слоге вне зависимости от гармонического класса основы**

*бяради* ‘открыть’ > *бяриси* ‘быть открытым’;  
*дюдәди* ‘бросить’ > *дюдәиси* ‘лежать’;  
*табтәдя* ‘прижать’ > *табтәиси* ‘быть прижатым’;  
*кирәмәсы* ‘затянуть’ > *киримиси* ‘быть затянутым’;  
*нәкәрәсы* ‘успокоиться’ > *нәкәриси* ‘быть спокойным, находиться без движения’.

Для основ на согласный у нас слишком мало данных (как уже говорилось выше, такие основы плохо сохраняются в северносамодийских языках).

Есть один общесамодийский стативно-декаузативный глагол, образованный от консонантной основы: нг. *дюдуса*, т. нен. *уохо-*, т. эн. *d'oxi-* ‘потеряться, заблудиться’, производный от нг. *дюдүса* (” < к), т. нен. *уоq-*, т. эн. *d'us-* ‘потерять’. С другой стороны, есть т. нен. *репә-* ‘быть положенным’, производное от т. нен. *реп-* (< \**реп-*) ‘положить’ (также т. эн. *ripiti-* ‘быть положенным’). Поскольку таких надежных производных всего две, ниже при обобщении материала об образовании стативно-декаузативных производных класс глагольных основ с консонантным ауслаутом не учитывается.

Итак, для глаголов на -ә в нганасанском можно предложить единую глубинно-морфонологическую запись того, как алломорфы стативно-декаузативного показателя (представленные в U- и I-основах), взаимодействуют с финальным гласным основы: нг.  $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C$  (при этом варианты  $\ddot{a} \rightarrow \ddot{y}^C$  и  $\ddot{a} \rightarrow i^C$  являются автоматическими, будучи обусловленными гармоническим классом основы).

Естественно, что основы на \**ä* и \**ä* также относятся к разным (но при этом парным) гармоническим классам; в один класс с точностью до разницы по гармонии надо записать и переднерядные и заднерядные глагольные основы с консонантным ауслаутом. Однако алломорфы стативно-декаузативного суффикса, используемые при этимологических \**ä*- и \**ä*-основах, а также при консонантных основах разных гармонических классов, не могут быть в рамках нганасанской морфонологии сведены к единой глубинно-морфонологической записи. Для \**ä*-глаголов в нганасанском мы должны записать переход нг.  $U \rightarrow \ddot{U}^C$ , для \**ä*-глаголов — переход нг.  $I \rightarrow U_0^C$ . Для консонантных основ надо предполагать эпентетическую *ә* (вероятно, \**ä* для заднерядных и \**ä* для переднерядных), которая в сочетании с показателем стативно-декаузативных глаголов дает в нг.  $\Theta_{\text{эл.}} \rightarrow U_0^C$  (U-класс),  $\Theta_{\text{эл.}} \rightarrow I^C$  (I-класс). Если давать прасамодийскую реконструкцию для этих записанных для нганасанского переходов, мы получаем следующее:

1. нг.  $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *u^W$ ;

2. нг.  $I \rightarrow U_0^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *o^W$ ;

3. нг.  $U \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *e^W$ . В данном случае можно реконструировать именно *e*, т. к. нг.  $\ddot{U}^C$ , в частности, представляет собой огубленный рефлекс \**e*. В первых слогах эта фонема не встречается: дифтонг /ua/ в первом слоге — автоматический позиционный вариант нг. фонемы *a* (одним из источников которой, в свою очередь, является \**e*) после нг. *h* < \**p*.

Если принимать во внимание фонетические переходы 1 и 2, реконструкция показателя стативно-декаузативных глаголов как одиночного \**-w* выглядит достаточно обоснованно. Однако фонетический переход 3 (\**ä* → \**e*) перед одиночным \**-w* недостаточно правдоподобен: здесь скорее следовало бы предполагать влияние глайда типа \**j*, а не типа \**-w*. Следует также учитывать варианты суффикса стативно-декаузативных глаголов с передним гласным в энцеком (*bata-* ‘опрокинуть’ > *bati-* ‘быть опрокинутым’) и селькупском (*kontä-* ‘уснуть’ > *konti-* ‘спать’), а также вариант этого суффикса с *o*, вызывающим палатализацию предыдущего согласного, в ненецком (*xona-* ‘уснуть’ > *xonyo-* ‘спать’). В [Урманчиева 2013] (на основании северносамодийского материала) я реконструировала этот показатель в виде \**jaw*. Но надо признать, что такая фонетическая реконструкция плохо объясняет фонетические переходы 1 (*ä* → \**u*) и 2 (*ä* → \**o*). Более правильным кажется реконструировать этот суффикс в виде *-jw*:

1. нг.  $\Theta \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *u^W < \text{ПСС } *ä \rightarrow *äw < \text{ПС } *ä \rightarrow *äjw$ ;

2. нг.  $I \rightarrow U_0^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *o^W < \text{ПСС } *ä \rightarrow *äw < \text{ПС } *ä \rightarrow *äjw$ ;

3. нг.  $U \rightarrow \ddot{U}^C < \text{ПСС } *ä \rightarrow *e^W < \text{ПСС } *ä \rightarrow *e^W < \text{ПСС } *ä \rightarrow *ejw < \text{ПС } *ä \rightarrow *äjw$ .

Результаты подобного перехода  $*a > e / \_ j$  наблюдаются, например, в энецком и нганасанском в модификациях темпоральных показателей в объектном спряжении при объекте мн. ч. в формах типа эн. *ри-не-да* ‘он положил их многих’ при *ри-не-да* ‘он положил’ или нг. *козутэ-нда-че* ‘ты убиваешь их многих’ при *козутэ-нду-ң* ‘ты убиваешь’.

Что касается возможности существования показателя статива-декаузатива  $*-jw$ , следует отметить особый морфонологический класс нганасанских глаголов, семантически представляющих собой «квинт-эссенцию» стативного класса: это базовые экзистенциальные состояния. Коннегатив данных глаголов показывает, что во всех таких основах в ауслауте выступает сегмент нг. *jb*, который обычно отражает прасамодийский  $*jw$ :

*дяңгуйся* (CN *дяңгуйбэ*) ‘не быть, отсутствовать’;

*тойся* (CN *тойбэ*) ‘не быть нужным’ (также перфективные употребления в значении ‘пропасть’: *бэңсэ дялы тойбу* ‘о ‘пропал весь день’)<sup>15</sup>;

*тэйся* (CN *тэйбэ*) ‘иметься, быть (у кого-л.)’;

*тэнійся* (CN *тэнійбэ*) ‘иметься, быть (у кого-л.)’<sup>16</sup>.

Кажется, что эту группу экзистенциальных стативов следует рассматривать как те глаголы, которые в силу своей семантики и вопреки законам исторической фонетики сохранили в полной консонантной форме суффикс  $*jw$  стативно-декаузативных глаголов. Надо отметить, что в энецком есть два глагола, соответствующих глаголам из нганасанского списка выше: т. эн. *d'igu-*, л. эн. *d'agu-* ‘не иметься’ и т. эн. *tonea-*, л. эн. *tonee-* ‘иметься’, — оба относятся к классу стативно-декаузативных производных (присоединяют алломорф показателей презентного причастия и футурума с  $-\delta$ ). В ненецком *уэңко-* ‘не иметься’ (как указал мне Т. Салминен, в диалектах встречается и более архаичный вариант *уэңко-*) также относится к классу стативно-декаузативных глаголов, у нен. *тэпуа-* нет особенностей формообразования, позволяющих отнести его к этому классу<sup>17</sup>.

Вкратце остановимся на образовании стативно-декаузативных глаголов в тундровом ненецком. Если выделить для ненецкого те же три класса основ, которые выше выделялись для нганасанского — на  $*\hat{a}$ ,  $*\hat{a}$  и  $*\hat{a}$ , можно видеть, что в ненецком, в сравнении с архаичным нганасанским, система существенно перестроена:

1) т. нен.  $\Theta \rightarrow {}^Y\Theta^{18} / \Theta < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *u^W < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *\hat{a}w < \text{ПС } *\hat{a} \rightarrow *\hat{a}jw$

или же переходят в класс 3, т. е. т. нен.  $\Theta \rightarrow {}^YO$ ;

2) переходят в класс 3, т. е. т. нен.  ${}^YE \rightarrow {}^YO$ ;

3) т. нен.  $A \rightarrow {}^YO < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *e^W < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *e^W < \text{ПСС } *\hat{a} \rightarrow *ejw < \text{ПС } *\hat{a} \rightarrow *\hat{a}jw$ . Таким образом, в ненецком формируется продуктивный суффикс стативно-декаузативных дериватов  ${}^YO$ , который прибавляется не только к основам на  $*\hat{a}$ , но и к основам других типов:

— к основам на  $*\hat{a}$  (нен.  $\Theta$ ): *һамтэ-* ‘сесть’ > *һамтыо-* ‘сидеть’;

— к основам на  $*\hat{a}$  (нен.  ${}^YE$ ): *хауе-* ‘оставить’ > *хауо-* ‘остаться’, *уеуе-* ‘запутать’ > *уеуо-* ‘быть запутанным’;

— к основам на согласный: *реп-* ‘положить’ > *репуо-* ‘быть положенным’.

Итак, система оказывается существенно перестроенной в сравнении с этимологическим прототипом, реконструируемым с опорой на нганасанский: чередующийся финальный гласный (нен.  ${}^YO$ )<sup>19</sup> в основах

<sup>15</sup> У стативно-декаузативных глаголов значение стативного результирующего состояния нередко трансформируется в перфективное значение: например, общесамодийский глагол  $*kajaw-$  ‘остаться’ морфологически представляет собой стативно-декаузативную производную от глагола  $*kajä-$  ‘оставить’, т. е. исходным значением было ‘быть оставленным’.

<sup>16</sup> Коннегативы этих глаголов, кстати, опровергают существующую со времен М. А. Кастрена [Castrén 1854: 490] этимологию, предполагающую, что глаголы т. нен. *тэпуа-*, т. эн. *tonea-*, л. эн. *tonee-*, нг. *тэнійся* (а также нг. *тэйся*) представляют собой сложение местоимения  $*tänä-$ ,  $*tə-$  с бытийным глаголом. В нганасанском бытийный глагол действительно имеет основу *ий-* (как видно по причастным формам типа *ичуэ*), но коннегатив от него будет *нуэ*, а не  $**ийбэ$ . Гипотетическое выравнивание коннегатива такого составного глагола нг.  $**тэні-йса$  по афfirmативу также предполагать невозможно: выравнивание не дало бы сегмента */jb/*, нигде в парадигме бытийного глагола не зафиксированного.

<sup>17</sup> Но он является одним из немногих ненецких глаголов, имеющих в ауслауте последовательность  $-Суа$ : если исключить отдельные диалектные формы и с высокой вероятностью образные основы *пуиэсуа-* ‘целовать’, *потуа-* ‘быть грудным, сосать грудь’ и *хосуа-* ‘осалить, запятнать’, в этот класс попадают *пуэқтауа-* ‘быть прочным, твердым, крепким’, *тэпуа-* ‘иметься’ и два вспомогательных отрицательных глагола *хэсуа-* ‘чуть не’ и *хэпуа-* ‘как не, как же не’.

<sup>18</sup> Знаком  ${}^Y$  обозначается палатализация предшествующего согласного.

на \**ā* (нен. А) переосмыслен как отдельный суффикс, который распространяется на образование ститивов-декаузативов от всех глаголов на \**ā* и части глаголов на \**ā̃*. На последнем классе следует остановиться несколько подробнее. Использование в части таких глаголов суффикса <sup>Y</sup>О вполне объяснимо. Это можно проиллюстрировать на примере глагола ‘сидеть’. Он имеет праформу \**āmtā-w*, по общему правилу, реконструированному на основе нганасанского, эта форма должна дать протоненецкое \*\**ḡamtu-* (как нг. *ḡomtū-* или т. эн. *adu-*). Но далее, по общему правилу перехода финальных узких гласных в ненецком в *ə*, регулярная производная нен. \*\**ḡamtu-* ‘сидеть’ приобрела бы вид нен. \*\**ḡamtə-* и в результате в ненецком образовалось бы два глагола — \**ḡamtə-* (I) ‘сесть’ и \**ḡamtə-* (II) ‘сидеть’, которые различались бы способом образования грамматических форм: второй из них относился бы к классу так называемых альтернирующих глаголов (об особенностях этих глаголов см. [Salminen 1997: 81]). Вероятно, для поддержания этой семантической оппозиции формальными средствами омонимия двух основ была снята за счет использования неэтимологического показателя <sup>Y</sup>О.

Тем не менее ряд альтернирующих глаголов в ненецком сохраняет в ауслауте нен. *ə*. И эти глаголы делятся на две очень любопытные группы. В первой из них перед т. нен. *ə* употребляется непалатальный согласный:

- 1) т. нен. *nasə-* ‘быть шероховатым, колючим’, эн. *nat'i-*, нг. *носюся*;
- 2) т. нен. *waqnə-* ‘лежать (о животном)’, эн. *bani-* ‘лежать (о животном)’ < эн. *bano-* ‘лечь (о животном)’, нг. *бәнүся* ‘лежать (о животном)’ < нг. *бәнәдя* ‘лечь (о животном)’;
- 3) т. нен. *pyadə-* ‘быть опущенным в котел’ < *pyadə-* ‘опустить в котел’ (ср. с другим суффиксом т. эн. *pedi-* ‘опустить в котел’ и нг. *хуамидя* ‘опустить в котел’, а также консонантный вариант основы в ск. *pōt-* ‘опустить в котел’, см. [Janhunen 1977: 118]);
- 4) т. нен. *tələ-* ‘быть закрытым’ < *tələ-* ‘закрыть’, эн. *toru-* ‘быть закрытым’ < эн. *tore-* ‘закрыть’, нг. *тәлюся* ‘быть закрытым’ < нг. *тәләдя* ‘закрыть’;
- 5) т. нен. *yilə-* ‘быть поднятым’ < *yilə-* ‘поднять’, т. эн. *iro-*, л. эн. *d'iro-*, нг. *диләди*; ‘поднять’, см. также [ibid.: 26];
- 6) т. нен. *syarə-* ‘быть завязанным’ < *syarə-* ‘завязать’, т. эн. *sero-* ‘завязать’, нг. *сарүся*; ‘быть завязанным’ < *сарәдя* ‘завязать’, см. также [ibid.: 137—138];
- 7) т. нен. *myarə-* ‘быть установленным (капкан, чум)’ < *myarə-* ‘установить’;
- 8) т. нен. *tinə-* ‘затупиться’ < т. нен. *tinə-* ‘затупить’;
- 9) т. нен. *syabə-* ‘стать нечистым, наступить — о менструации’, эн. *sebu-*;
- 10) т. нен. *nyenə-* ‘сердиться’, ск. *ñeñə-*, см. [ibid.: 109];
- 11) т. нен. *wələ-* ‘выгореть, износиться’;
- 12) т. нен. *xursə-* ‘шуметь’;
- 13) т. нен. *yarə-* ‘быть холодным’.

Во второй группе перед нен. *ə* выступает палатальный согласный (под номером 6; добавлен также один глагол лесного ненецкого):

- 1) т. нен. *tyesə-* ‘быть холодным’, эн. *tet'i-*, нг. *чесисси*, ск. *taśśu-*, см. также [ibid.: 159];
- 2) т. нен. *ḡədyə-* ‘быть видимым’, эн. *odi-*, нг. *ḡəḡyusy* < *ḡəḡədyə* ‘найти’, ск. *atu-* (произв. от ск. *atə-* ‘увидеть’), см. также [ibid.: 16];
- 3) т. нен. *yercə-* ‘вызывать симпатию’ (ср. нг. *дярсиди* ‘любить’ и эн. *d'ed'ode-* ‘любить’);
- 4) т. нен. *pæwə-*<sup>20</sup> ‘быть темным’, эн. *pei-*, нг. *хоймиси* ~ *хойминси*, ск. *pēmtəsa*;
- 5) т. нен. *yerə-* ‘быть жарким, горячим’, т. эн. *epi-*, л. эн. *d'epi-*, см. также [ibid.: 45];
- 6) л. нен. *syeqtuḡ-*, CN *syeqtuḡ* ‘быть тяжелым’, эн. *seḡi-* ‘тяжелый’, см. также [ibid.: 139];
- 7) т. нен. *yibcyə-* ‘быть горьким’, эн. *d'it'i-*;
- 8) т. нен. *winyə-* ~ *wunyuə-* ‘ведь не’, эн. *bun'i-*;
- 9) т. нен. *yencyə* ~ *yetycyə-* ‘быть прогорклым’;
- 10) т. нен. *nyancə-* ‘быть тонким (о плоских предметах)’.

К ненецким глаголам из каждой группы добавлены параллели из других самодийских языков во всех случаях, когда это возможно. В обоих списках полужирным выделены нганасанские параллели, они позволяют определить сингармонический класс основы в прасамодийском. В первой группе шесть глаголов имеют параллели в нганасанском, пять из них относятся к U-гармоническому классу, один —

<sup>19</sup> Этимологические источники нен. <sup>Y</sup>О в непервых слогах анализируются в [Урманчиева 2022].

<sup>20</sup> В тундровом ненецком невозможно сочетание палатализованного губного согласного с *ə* или *o* (см. таблицу в [Salminen 1997: 39]), поэтому в этом и следующем словах в приведенных формах палатализации нет, но если после интервокального согласного в данных глаголах оказывается другой гласный, палатализация восстанавливается: специальная финитная основа от этих глаголов выглядит как *yeryi* и *pæbyi-* соответственно.

к I-гармоническому. Во второй группе четыре глагола имеют параллели в нганасанском, все они относятся к I-гармоническому классу. Это означает, что в ненецком в данном случае стативно-декаузативные дериваты сохранили следы двух различных алломорфов стативно-декаузативного суффикса, противопоставленных по гармоническому классу основы. Поскольку, как уже говорилось, узкие гласные в финальных слогах перешли в ненецком в *ə*, мы можем восстановить два указанных алломорфа как *\*i<sup>W</sup>* для основ I-гармонического класса и *\*u<sup>W</sup>* для основ U-гармонического класса. Именно эти два алломорфа «в живом виде» мы наблюдаем в нганасанском:

стативно-декаузативные дериваты от *\*ə*-основ I-гармонического класса дают перегласовку:

нг.  $\Theta \rightarrow \dot{U}^C < \text{ПСС } *ə \rightarrow *i^W < \text{ПСС } *ə \rightarrow *əw < \text{ПС } *ə \rightarrow *əjw$ ,

стативно-декаузативные дериваты от *\*ə*-основ U-гармонического класса дают перегласовку:

нг.  $\Theta \rightarrow \dot{I}^C < \text{ПСС } *ə \rightarrow *u^W < \text{ПСС } *ə \rightarrow *əw < \text{ПС } *ə \rightarrow *əjw^{21}$ .

Наконец, в нганасанском есть еще три глагола с основой на *-<sup>C</sup>* с иной морфонологией. Эти три глагола имеют перед *-<sup>C</sup>* *\*a* (NB: не в производящей основе, а именно перед *-<sup>C</sup>*), на что указывает форма перфекта, два глагола производны от консонантной основы, один — от *ə*-основы. Следует обратить внимание на то, что эти глаголы не являются стативно-декаузативными производными, будучи по семантике не только перфективными, но и переходными:

— нг. *тагуса* (перфект *тага* "а указывает на *\*a* перед суффиксом!) 'собрать, подобрать (рассыпанное) < та"са (" < к) 'собрать';

— нг. *тойбуса* (перфект *тойба* "а указывает на *\*a* перед суффиксом!) 'перевезти' имеет соответствие в т. нен. *tæwa-* 'стаскать, перетаскать', который, в свою очередь, очевидно, произведен от *tæwə-* 'дойти'. Такого рода производность (на синхронном уровне выражающаяся меной ауслаутного гласного) — случай, пожалуй, уникальный;

— нг. *нёбуса* (перфект *нёба* "а указывает на *\*a* перед суффиксом!) 'вымыты(ся), умыты(ся)' не имеет соответствий в других языках, есть указывающий на консонантную основу глагол *нёбтэдя* 'мыть; стирать'.

Возможно, в этих глаголах следует предполагать суффикс *-<sup>W</sup>* < *\*-w* (а не *\*-jw*, как в стативно-декаузативных глаголах).

Наконец, приведем список нганасанских глаголов с основой на *-<sup>C</sup>*, гласный перед которым не объясняется по выведенным выше закономерностям (но некоторые нестандартные стативно-декаузативные глаголы обсуждаются в разделе 4 в связи с рассматриваемыми там глаголами).

Есть группа глаголов с основой на *-<sup>C</sup>* U-класса, имеющих в нганасанском в ауслауте *-y*. Как было показано выше, нг. *-y* появляется в стативно-декаузативных глаголах, производных от основ на *\*a*, но в данном случае вроде бы нет оснований предполагать для всех этих глаголов *\*a* в исходе производящей основы. Более того, для некоторых глаголов в производящей основе определяется *\*ə*, для некоторых — *\*a*. При этом для глаголов стативно-декаузативной семантики определить источник нганасанского *y* перед *-<sup>C</sup>* невозможно, т. к. эти глаголы не имеют формы перфекта:

— нг. *кюдюса* (фонолог. *kijusa*) 'плыть, находиться на поверхности воды';

— нг. *сэңкуса* 'быть тяжелым', ср. *сэңкэбтуса* 'взвесить';

— нг. *деруса* 'не знать', ср. *дерэмуо* 'неизвестный';

— нг. *муньдюса* (фонолог. *mun'd'usa*) 'договориться';

— нг. *дийкуса* 'кружиться, вертеться' (причем производная *дийкату-са* 'кружиться, вертеться, вращаться' с нг. *a* во втором слоге указывает на то, что производящая основа имеет в ауслауте *\*a* > нг. *u*: только такой нг. *u* дает в производных основах нг. *a*);

— нг. *сойбуса* 'звучать, раздаваться; шуметь' (производная *сойба* "мү" 'звон' также указывает на *\*a* в производящей основе).

Два глагола на *-<sup>C</sup>* имеют перед *-<sup>C</sup>* нг. *y*, но при этом относятся к I-классу:

— нг. *хекусы* 'быть теплым, горячим, жарким' (соотносимое прилагательное *хекагэа* 'горячий' не показательно для определения типа основы: перед суффиксом прилагательных *-гэа* в нганасанском возможен только *ə*);

— нг. *нубкусы* 'бежать (о животных)'. Другие глаголы с этим корнем: *нубкэ-ба-* 'броситься', *нубкитиси* 'бежать, скакать галопом'<sup>22</sup>, т. е. стативно-декаузативная производная была бы нг. *\*\*нубкиси*.

<sup>21</sup> Как уже говорилось выше, с точки зрения нганасанской морфонологии эти два преобразования отвечают единой записи нг.  $\Theta \rightarrow \dot{U}^C$ .

<sup>22</sup> Ср. также *нубиси* 'скачать галопом, бежать (о животных)'.

Наконец, остались два глагола движения:

— нг. *хойкүся* ‘бежать’ (в словаре [Костеркина и др. 2001] *хойкуся*, но и алломорф инфинитивного показателя *-ся* (а не *-са*), и представленный в текстах презенс *хойкүтү* говорят о нг. *ү* перед *-с*). Глагол произведен от нг. *хойкудя* ‘побежать’. Это глагольная основа U-класса с *\*ä* в ауслауте (на что указывает перфект *хойка*’а), т. е. стативно-декаузативная производная была бы нг. *\*\*хойкуаса*;

— нг. *дымбися* ‘плыть’, ср. также л. нен. *ġäṁpraś, lăṁpraś* ‘плыть’, ненецкий указывает на *\*ä* в ауслауте, т. е. стативно-декаузативная производная была бы нг. *\*\*дымбүся*.

В связи с последними приведенными глаголами можно только обратить внимание на два морфо-логически нерегулярных итератива (что не является объяснением образования стативно-декаузативных дериватов от этих глагольных корней, но на данном этапе может быть включено в «копилку» фактов, которые, возможно, позволят позже найти путь к объяснению): *хойкирся* ‘бегать (о человеке)’ и *дымбирся* ‘плавать’ — на *-ир* в нганасанском заканчиваются итеративные производные всего от двух двусложных глаголов.

#### 4. Глагольные основы с вокалическим ауслаутом

Существует несколько точек зрения относительно вокализма непервых слогов в прасамодийском. В реконструкции [Janhunen 1977] для непервых слогов восстанавливаются три гласных: *\*ä, \*ā, \*ê*. В версии прасамодийской реконструкции [Helinski 1997] набор гласных второго слога значительно расширен: добавлены *o, ö, i, j, e, u, ü*, т. е. вокализм второго слога оказывается практически идентичен вокализму первого слога. Третья точка зрения высказывается Я. Алатало в [Alatalo Ms.]: в непервых слогах, кроме *\*ä, \*ā, \*ê*, следует восстанавливать также *\*i* и *\*u*. Остальные гласные в непервых слогах можно объяснить стяжением сочетаний какой-либо из пяти указанных гласных с одним из глайдов, *\*j* или *\*w* (стягиваться могут либо двухкомпонентные сочетания, которые замыкаются глайдом, либо более сложные последовательности, в которых глайд занимает интервокальную позицию). В настоящей статье вопрос о вокализме второго слога рассматривается только на примере глагольных основ (можно теоретически допустить, что система гласных второго слога в других частях речи отличается — если, например, в глаголе произошло выравнивание основ, облегчающее образование грамматических форм).

Дилемма реконструкции вокализма непервых слогов отчасти объясняется редукцией гласных в этой позиции в камасинском и селькупском: если данные этих языков не показательны, нам приходится опираться только на прасеверносамодийский материал, который может отражать и более поздние стадии развития системы.

##### 4.1. Глагольные основы с вокалическим ауслаутом в селькупском

Сначала необходимо обсудить, действительно ли в селькупском нет непроизводных глагольных основ, которые оканчивались бы не на ск. *ə*: в словаре Я. Алатало приводится ряд глаголов, в ауслауте которых — *i* или *u* (среди селькупских диалектов в этом случае показательны только данные кетского диалекта). Есть ли среди них непроизводные глаголы? Ниже проанализированы все такие глаголы, найденные в указанном словаре. Большую часть из них составляют рефлексивные производные. Среди них есть вполне очевидные:

ск. *amti-* ‘сидеть’ < *omtə-* ‘сесть’;

ск. *īli-* ‘подниматься’ < *īlə-* ‘поднимать’;

ск. *īt(t)i-* ‘висеть’ < *īt(t)ə-* ‘повесить’;

ск. *atu-* (? *attu-*) ‘быть видимым’ < *atə-* ‘увидеть’;

ск. *üntu-* ‘слышаться, звучать’ < *üntə-* ‘слышать’;

ск. *šiti-* ‘проснуться’ < ск. *šitə-* ‘разбудить’.

Полный список пар в статье не приводится, ниже будут прокомментированы только те глаголы, в которых производный характер рефлексивной основы не так очевиден; из словаря [Alatalo 2004] были выбраны все такие случаи.

Ск. *āmtu-* ‘зевать’ — производный характер основы обнаруживается благодаря камасинской параллели *amo-nzəl'am* ‘хотеть зевать’, дезидеративная форма), приведенной в [ibid.: 46]. Гласный *o* в ауслауте камасинской глагольной основы является суффиксом стативно-декаузативных глаголов.

Ск. *čāru-* ‘схватить’ соответствует камасинскому глаголу *d'ābəl'am* ‘схватить, поймать’, *d'ābōl'am*, *d'ābōtām* ‘держатъ’ (см. [ibid.: 1438]). Сюда же относятся нг. *dēxu-* ~ *dēxu-* ‘догнать’ и эн. *d'abu-* ‘догнать’. Нганасанский не указывает на то, что этот глагол является стативно-декаузативным дериватом (как можно видеть, интервокальный согласный выступает в слабой ступени, т. е. финальный слог мор-

фонологически открытый), как стативно-декаузативный этот глагол оформлен в камасинском (суффикс *ō*) и энецком (т. к. он допускает алломорфы показателей будущего времени и причастия с согласным *δ*).

Ск. *ćukku-* ‘чесаться, зудеть’ — во всех самодийских языках настоящий глагол формально является стативно-декаузативным дериватом (хотя производящей основы ни в одном языке нет — вероятно, это один из тех стативов, которые получают дополнительное маркирование стативно-декаузативным показателем не в силу производности основы, а в силу семантики): нг. *дѣ”куса* (алломорф инфинитива указывает на то, что в глубинно-морфонологической форме данная основа является консонантной), эн. *d’aku-* (алломорф причастия *-де*, характерный для стативно-декаузативных глаголов, представлен в лексикализовавшейся форме *d’akude* ‘чесотка’), т. нен. *yakə-* также демонстрирует все морфонологические особенности, характерные для альтернирующих глаголов.

Ск. *ćāŋku-* ‘не иметься’ — этот глагол уже упоминался выше. Его корреляты в северносамодийских языках представляют собой стативно-декаузативные дериваты: нг. *дяңгуйся* (с коннегативом *дяңгуйбѣ*”), т. эн. *d’igu-*, л. эн. *d’agu-* (алломорфы показателей будущего времени и причастия с согласным *δ*), т.-нен. *уәңко-* (демонстрирует все морфонологические особенности, характерные для альтернирующих глаголов).

Ск. *ñiŋki-* ‘стоять’ соответствует нг. *нәньдиси* (алломорф инфинитива указывает на то, что в глубинно-морфонологической форме данная основа является консонантной), оба глагола восходят к праформе *\*nāŋk-āw-* ‘стоять’.

Ск. *k’uātu-* ‘спорить, ссориться’ соответствует км. *kudōl’am* (со стативно-декаузативным показателем *ō*) и эн. *kađu-* ‘ругаться’ (мультипликативная производная *kađu-δur-* с суффиксом *-δur*, согласный *δ* которого указывает на то, что основа *kađu-* является стативно-декаузативной).

Ск. *poru-* ‘гореть, загореться’. Эту форму невозможно связать с общесамодийским *\*pārā-* (рефлекс сохранился в селькупском *pariñi-* ‘быть горьким’ (т. е. \*горелым) [ibid.: 627]), но можно связать с глаголом, в словаре Ю. Янхунена восстановленным как *\*por-* ‘есть’ [Janhunen 1977: 127]. Все примеры, на которых базируется реконструкция Ю. Янхунена, происходят из маторско-тайгийско-карагасской диалектной группы — т. е. из близкородственных языков, объединенных в [Helimski 1997] под названием «маторский язык»<sup>23</sup>. Тем не менее надо принимать во внимание способ выражения значения ‘Х сгорел’ в селькупском и камасинском — это позволяет включить в этимологию *\*por-* ‘есть’ и ск. *poru-*. Так, в селькупском и камасинском в значении ‘Х сгорел’ устойчиво используется выражение ‘огонь съел Х-а’, вероятно, именно на основе этого выражения происходит метафорический переход, в результате которого просто глагол ‘есть’ (в селькупском) или его производная ‘быть съеденным’ (в камасинском) употребляются в значении ‘гореть’: ск. *kaĭ aŋā-špā-nda-Ō nū-š sünd-ō-γod?* // что **съесть-Dur-Latent-s3** небо-Gen внутри-Лос // ‘Что **горит** на небе?’, км. *turam am-ō-bi* // дом-1 **съесть-St-Praet-s3** // ‘мой дом **сгорел**’, *šiy am-ō-la2bā* // огонь **съесть-St-Cvb.AUX.DUR-s3** // ‘огонь **горит**’. Камасинский показывает, что в этой конструкции обычен именно стативно-декаузативный дериват глагола ‘есть’ (км. *amō-*) — с учетом этого можно с высокой вероятностью видеть в ск. *poru-* стативно-декаузативный дериват от *\*por-* ‘есть’.

Селькупскому глаголу *ūru-* ‘исчезнуть’ соответствуют в ненецком и энецком основы на *ə*: т. нен. *yurə-*, эн. *d’uro-*. Глаголы этих двух самодийских языков отражают праформу *\*jūrā-* [Janhunen 1977: 50]. Таким образом, в селькупском представлена либо основа, оформленная дополнительным суффиксом (но не рефлексивная: рефлексивная производная от этого глагола имеет вид *ūriku-*), либо финальный *u* объясняется влиянием *ū* первого слога, см. также следующий глагол:

*pūŋu-* ‘запутаться; завернуться, запеленать’ — параллелей в других языках не имеет<sup>24</sup>.

Ск. *ñelcu-* ‘потеть’ соответствует т. эн. *пуоха-*, эн. *пóха-*, нг. *нийку-*, все эти глаголы восходят к праформе *\*ñejkā- ~ ñojkā-*. Ауслаутный *u* в селькупском объясняется влиянием предшествующего *lc* (< *\*jw*, *\*jm*, *\*jk*), см. об источниках ск. *lc* [Гусев 2012]. Аналогичное развитие представлено ск. *talcu* ‘хвост’ < *\*tājwā* [Janhunen 1977: 150] или ск. *sēlcu* ‘семь’ < *\*sej<sup>3</sup>wā* [ibid.: 139].

Остается несколько глаголов, которые могут быть производными от существительных, — во всяком случае все они имеют соотносимые с ними именные основы:

<sup>23</sup> В [Janhunen 1977: 127] как производная от этой же основы рассматриваются рефлекс *\*porsa* ‘рыбная мука, измельченная сушеная рыба’, это слово имеет достаточно широкое распространение в самодийских языках, но, как показано в [Аникин, Хелимский 2007: 51—52], в нем следует видеть скорее заимствование в прасамодийский из пратунгусо-маньчжурского.

<sup>24</sup> Эн. *poŋi-* ‘запеленать, обернуть, обвязать’ не может быть сопоставлено с этим селькупским словом из-за вокализма первого слога.

ск. *teni-* ~ *teñi-* ‘помнить’, *teni* ~ *teñi* ‘разум’, ср. также ск. *tenəmə-* ‘знать’ — т. нен. *tyenyē-* ‘помнить’, *tyen°* ‘память’, *tyenyewə-* ‘знать’, эн. *tene-* ‘помнить, знать’, т. эн. *teñi*, л. эн. *tenee* ‘память’, нг. *ченыди* / *ченынсы* ‘знать; уметь; помнить’;

ск. *ko(č)či-* ‘пуржить’, ск. *koči* ‘пурга’ — в других языках глагол не сохранился, существительное в нганасанском указывает на ауслаутный \*w: нг. *козу*<sup>с</sup>, эн. *кади*, т. нен. *xad°* ‘пурга’;

ск. *ḱāti-* ‘чистить от чешуи’ — нг. *камі* ‘чешуя’, *камідя* ‘чистить от чешуи’;

ск. *kuāti-* ‘светить’ — ср. т. эн. *кадади?* ‘свеча’;

ск. *čāpsu-* ‘пожарить на рожне’, *čāpsə* ‘рожень’ — т. нен. *yabcə-* ‘испечь’, *yabcə* ‘стряпня’, эн. *ḱasi-* ‘пожарить на рожне’, л. эн. *d’asi* ‘рожень’.

Ск. глагол *mjini-* ‘согнуть’, вероятно, следует рассматривать как производную от ск. *mjina-* с тем же значением. Возможно, эта же производная сохранилась в эн. *muni-* ‘согнуть’, в [Janhunen 1977: 95] приводится также нганасанский глагол *muni-* по записям М. А. Кастрена (для современного нганасанского зафиксирован вариант *мунүдя*). При этом презенс камасинского глагола *мишпам* (цит. по [ibid.: 95]) однозначно указывает на исконно консонантную основу *mun-*, так что все рассмотренные глагольные основы с вокалическим ауслаутом являются в данном случае вторичными.

Итак, нам не удалось выделить в селькупском непроеизводные глагольные основы с вокалическим ауслаутом, отличным от -ə. Этому может быть два объяснения: либо таких непроеизводных основ действительно нет, либо одиночные ауслаутные \*u/\*ü и \*j/\*i в селькупском перешли в ск. ə — так же, как в ск. ə перешли одиночные ауслаутные \*ā и \*ä (однако в именных основах в селькупском финальные узкие гласные как будто бы все же сохраняются, ср., например, ск. *tišu/tüšu* ‘ящерица’, которому соответствуют нг. *тансу* ‘минога’, т. эн. *tad’u*, л. эн. *taso* ‘минога’, т. нен. *tansə* ‘ящерица’).

#### 4.2. Глагольные основы с вокалическим ауслаутом в северносамодийских

Посмотрим, что дает нам материал северносамодийских языков. Как уже говорилось, в ненецком в ауслауте узкие гласные перешли в нен. ə. Но если рефлексy \*j и \*u в этой позиции в ненецком неотличимы от рефлексy \*ä, рефлексy \*i и \*ü дали бы палатализацию предшествующего согласного. Выше были рассмотрены альтернирующие (производные) ненецкие глаголы с последовательностью Суə в ауслауте, сейчас мы рассмотрим неальтернирующие ненецкие двусложные глагольные основы с таким ауслаутом: необходимо понять, могут ли они претендовать на статус непроеизводных. Таких основ немного:

Т. нен. *хəгуə-* ‘причалить’ соответствует нг. *кəрəди* ‘причалить’, т. е. это основа \*kärə- (глагол подобной фонетической структуры — СəСə — в нганасанском словаре [Костеркина и др. 2001] найден всего один). Следует предполагать, что в ненецком (в отличие от нганасанского!) гласный второго слога реализуется как передний (с последующим сокращением), что можно объяснить именно влиянием \*ä первого слога. Данные нганасанских текстов позволяют выделить еще один подобный случай. Это двусложная (с вокалическим ауслаутом) основа, содержащая общесамодийский глагольный корень \*pät- ‘проникнуть внутрь, нырнуть, зайти (о солнце)’ (рефлексy корня \*pät- без дополнительного суффиксального оформления представлены ск. *pat-* и нг. *хо”си* (СН *хожə*)); огласовка инфинитивного показателя в нганасанском указывает на передний ряд корня). Этот корень имеет в нганасанском также вокалический вариант *хотə-* (< *pätə-*), представленный в глаголах *хотə-тə-сы* ‘заходить (о солнце)’, *хотə-лə-сы* ‘нырнуть’, *хотə-ры-лə-* (зафиксирована форма 3-го л. ед. ч. рефлексивного спряжения перфекта *хотəрыли”иžə*) ‘окунуться’. Последний суффикс (-лə) в глаголе *хотə-ры-лə-* — показатель инхoатива, без него глагольная основа *хотə-ры-* ‘окунуть(ся)’ в точности соответствует т. нен. *рəдуə-гуе-* ‘окунуть’ [Пырерка, Терещенко 1948: 167] — в данном случае в ненецком после \*ä в первом слоге \*ə также реализуется как передний узкий гласный с последующим сокращением<sup>25</sup>.

<sup>25</sup> Аналогичное влияние \*ä в первом слоге на рефлексацию гласного второго слога можно показать для ненецкого и энецкого для \*ä во втором слоге (реализуется как более узкий гласный в обоих языках с последующим сокращением в ненецком), ср. \*märkä ‘плечо’ > нг. *мəрсы*, т. эн. *mod’i*, т. нен. *mərcy°*. При этом в словах схожей фонетической структуры, но с другим гласным в первом слоге рефлексация стандартна: \*märkä ‘ветер’ > т. эн. *med’e*, т. нен. *mercya*. Еще один пример: \*säjmä ‘глаз’ [Хелимский 1993/2000: 199] > нг. *сеймы*, т. эн. *sei*, т. нен. *səw°*, ск. *saji*. В ненецком в данном случае имеем нестандартный рефлекс -°, в энецком — -i. При этом в словах схожей фонетической структуры, но с другим гласным в первом слоге рефлексация стандартна: \*näjmä ‘игла’ > нг. *неймы*, т. эн. *ee*, л. эн. *nee*, т. нен. *nylbya*. Поскольку в нганасанском в подобных контекстах влияния \*ä первого слога на рефлексацию гласного второго слога нет, можно утверждать, что данные фонетические переходы являются собст-

Т. нен. *səbсуа*- ‘плюнуть’, *səbсуа* ‘плевков’, нг. *себсиди* ‘плюнуть’, *себси* ‘плевков, слюна’, эн. *sot'i-o-* ‘плюнуть’, *sot'i* ‘плевков’. Глагол следует рассматривать как отыменной.

Т. нен. *уемнуа*- ‘залатать’ соответствует эн. *d'eñi-* ‘залатать’ и нг. *демниди* ‘заклеить (заплаткой)’, *d'emñi* ‘заплата’ (далее см. [Janhunen 1977: 42]). В данном случае также представлен отыменной глагол.

Два следующих глагола могут быть непродуктивными производными:

Т. нен. *səbнуа*- ~ *səmнуа*- ‘набить’ — ср. т. нен. *səbə*- ‘набить, наполнить’, *səbə* ‘заряд’, что соответствует нг. *сэхэдя*, эн. *sobo-* ‘набить’.

Т. нен. *јəтнуа*- ‘облизать’ может быть производной основой образного характера, ср. т. нен. *јəтнуалə*- ‘быть вкусным’, *јəтн<sup>о</sup>уа*- ‘пахнуть вкусно’, что соответствует нг. *јəмнəгə* ‘вкусный’ (в конечном итоге не связано ли с *\*ət-* ‘есть’?)<sup>26</sup>.

Т. нен. *тəқнуа*- ‘стать густым (например, о тесте)’ не имеет параллелей в других самодийских языках<sup>27</sup>, но его можно рассматривать как производную по аналогии с двумя (? или даже тремя) предыдущими словами.

Т. нен. *түірсуа*- ‘оттолкнуть’ не имеет параллелей в других самодийских языках.

Итак, из этих семи глаголов ни один ни является надежным кандидатом на то, чтобы представлять непродводную пра(северно)самодийскую основу на *\*i* или *\*ī*.

Как уже говорилось, в ненецком финальные узкие не сохраняются, в отличие от нганасанского и энецкого. Позволяет ли материал этих языков реконструировать непродводные глаголы на *\*u*/*\*ī* или *\*i*/*\*ī*?

Рассмотрим материал нганасанского языка как более архаичного. В нганасанском в непервых слогах происходит нейтрализация иноного рода, чем в ненецком: если в ненецком рефлекс узких гласных совпадают с рефлексами *\*ə̄*, в нганасанском рефлекс широких гласных совпадают с рефлексами узких: *\*ā > u*; *\*ā > ī* (в основах I-гармонического класса)<sup>28</sup>. Узкие гласные должны давать следующие рефлекссы: *\*u > ī*, *\*ī > j̄*, *\*ī > i*, *\*i > ī*. Кроме того, следует учитывать собственно нганасанские правила фонетики: 1) после палатальных согласных могут встречаться только *i* и *ī*, но не *j̄* и *u*; 2) после *i* и *ī* в первом слоге также могут встречаться только *i* и *ī*, но не *j̄* и *u*.

Теперь рассмотрим нганасанские глаголы, разделив их на группы в зависимости от ауслота и гармонического класса.

#### **А. Основы на *и* (у перфективных глаголов форма перфекта образуется перегласовкой *и > а*, форма перфекта дается в скобках) U-гармонического класса.**

В этот класс входят только глаголы на *\*-ā*, что показывает сопоставление с данными других северносамодийских языков:

нг. *султудя* (*султа*''*а*) ‘прицепить, привязать (например, одну нарту позади другой); везти или вести за собой на привязи’, т. нен. *sola*-<sup>29</sup>, эн. *sōda*-;

нг. *тубудя* (*туба*''*а*) ‘прожевать, пожевать (не глотая, обычно табак)’, т. нен. *təqwa*-, эн. *tōḷa*-;

нг. *тəтудя* (*тəṣa*''*а*) ‘дать; принести’, т. эн. *teda*-, л. эн. *toda*-;

нг. *байбудя* (*байба*''*а*) ‘бросить, метнуть’, эн. *bea*-;

нг. *бəбтудя* (*бəбта*''*а*) ‘перевернуть(ся), опрокинуть(ся)’, т. нен. *wabta*-, эн. *bata*-;

нг. *бəрудя* (*бəра*''*а*) ‘обстрогать’, т. нен. *wəra*- ‘наскоблить (березовой стружки)’, эн. *bora*- ‘наскоблить’;

нг. *бəтудя* (*бəṣa*''*а*) ‘вырастить, воспитать’, т. нен. *wada*-, эн. *baḍa*-;

нг. *бəчудя* (*бəча*''*а*) ‘добавить’, т. нен. *wəta*- ‘соединить, прибавить’, эн. *bata*- ‘составить, соединить’;

нг. *дəңкудя* (*дəңга*''*а*) ‘продолбить’, т. нен. *yaŋka*-, т. эн. *d'agaa* ~ л. эн. *d'aga*-;

нг. *контудя* (*конда*''*а*) ‘увести, унести’, т. нен. *xana*-, эн. *kada*-;

нг. *котудя* (*коṣa*''*а*) ‘убить’, т. нен. *xada*-, эн. *kaḍa*-;

нг. *кунтудя* (*кунда*''*иṣə*) ‘заснуть’, т. нен. *xona*-, эн. *kōda*-;

венно ненецко-энецкой инновацией и, следовательно, противопоставление *\*ə̄* и *\*ə̄* в первом слоге сохранялось и в этой подгруппе.

<sup>26</sup> По поводу образного характера основы ср. также глагол фонетически близкой структуры и сходной семантики т. нен. *пуйттуе*- ‘высосать’, которому соответствуют эн. *nipa*- и нг. *нюмню*- с тем же значением.

<sup>27</sup> Эн. *toḷe* ‘густой’ соответствует не этому ненецкому слову, а нг. *тəмəгə* (оба слова отражают праформу *\*tət-mā* — то же соотношение, например, в эн. *poḷe* и нг. *хомəгə* ‘острый’ < *\*pət-mā*).

<sup>28</sup> В основах U-гармонического класса *\*ā > a*.

<sup>29</sup> В нен. *lt > l*, ср. также т. нен. *пуəлəт*- ‘проглотить’, эн. *podour*-, нг. *нелтəмə*-; т. нен. *пуəлуе*- ‘полюнуть’, эн. *node*-, нг. *нелтуди*; нен. *уалə*- ‘ревновать’, эн. *d'edo*-, нг. *дэлтəдə*.

нг. *кэбтудя* (*кэбта*''а) 'погасить', т. нен. *хэбта-*, эн. *kota-*;

нг. *кэтудя* (*кэта*''а) 'обделить', эн. *kota-* (ср. также т. нен. *хэда-*);

нг. *лайкудя* (*лайка*''а) 'развесить', т. нен. *lyexj°zhta-*, эн. *lexa-ta-*;

нг. *луйкудя* (*луйка*''а) 'разрушить(ся), сломать(ся)', эн. *lôxa-ner-* 'рвется, ломается'.

Ср. также производный от бытийного нг. глагол *нучудя* (*нуча*''а) 'отпустить' — т. нен. *ηæda-*, т. эн. *ада-*, л. эн. *еда-*.

К этой группе примыкают глаголы, в которых *и* > нг. *й* после палатального согласного либо *i* / *й* первого слога:

нг. *нунюдя* (*нуня*''а) 'собрать, сложить вместе', т. нен. *ηona-*, эн. *ôna-* < \**ojnâ-*;

нг. *сюсюдя* (*сюдя*''изэ) 'закончиться, иссякнуть', т. нен. *susa-*, эн. *susa-* < \**susa-*;

нг. *дюкүдя* (*дюка*''а ~ *дика*''а) 'развязать' т. нен. *yeka-*, эн. *d'ika-*;

нг. *күрүдя* (на перфект указывает форма ЗРІ *kür'a?* (< *кура*''а)), стативно-декаузативная производная *күрүаса* также указывает на то, что ауслаутный *ү* в нг. *күрүдя* отражает \**ä* 'запутать(ся)', т. нен. *xura-* 'увязать нарту', т. эн. *kura-* 'связать, сплести'.

Нерегулярно соотношение гласных (между всеми тремя северносамодийскими языками) в случае нг. *чинүдя* (*чинү*''о)<sup>30</sup> 'понюхать', т. нен. *tyuny-* (в диалектах т. нен. также встречается вариант *tyinye-*, за указание на это я благодарю Т. Салминена), эн. *t'ino-*.

### **Б. Основы на и (у перфективных глаголов в перфекте и сохраняется, форма перфекта дается в скобках) I-гармонического класса.**

В этом случае сопоставление с материалом других самодийских языков последовательной картины не дает:

нг. *нелтуди* (*нелту*''о) 'полюбить', т. нен. *nyälye-*, эн. *node-* (энецкий и ненецкий указывают на ауслаутный \**ä*);

нг. *тәуди* (*тәү*''о / *тәү*''изэ) 'полететь', т. нен. (*tyuq°ryih*) *tyi/sy°*, эн. *t'io-* (энецкий и ненецкий отражают праформу \**iä-*, соотношение с ней нганасанского глагола неясно);

нг. *нәрудиди* (*нәру*''о) 'уколоть', эн. *norio-*, *noris-* (источники эн. *i* достаточно разнообразны);

нг. *тынтуди* (*тынту*''о) 'ожить', эн. *t'ido-* (энецкий указывает на \**ä*);

нг. *ләнүдиди* (*ләнү*''о) 'загореться; сгореть', *ләнү* 'пламя', ср. т. нен. *leyir-* 'разгораться', *ley°nә-* 'гореть', также ср. *leyo* 'пламя', от которого образованы, в свою очередь, глаголы *leyom-* 'загореться', *leyor-* 'появиться (о пламени)', *leyoq-* 'иметь яркое пламя' и т. эн. *lei* ~ л. эн. *loi* 'пламя', т. эн. *leiro-* ~ л. эн. *loiro-* 'загореться'.

Приведу также несколько найденных глаголов из этой группы, не имеющих соответствий:

нг. *сәуди* (*сәү*''о) 'выстрелить';

нг. *лебкүдиди* (*лебкү*''о) 'поперхнуться, захлебнуться';

нг. *нәнсүдиди* (*нәнсу*''о) 'встать';

нг. *тәңкүдиди* (*тәңкү*''о) 'усилиться';

нг. *серүдиди* (*серү*''о) 'привязать, упаковать кладь на нарте' (следует отличать от нг. *сарәдя* 'привязать', т. нен. *syarә-*, эн. *sero-* и нг. *серәдиди* 'надеть', т. нен. *syerә-*, эн. *sero-*).

К этой группе примыкают глаголы, в которых *и* > нг. *й* после палатального согласного:

нг. *хонюдиди* (*хоню*''э) 'опухнуть, распухнуть', т. нен. *raue-*, эн. эн. *rae-* (ненецкий и энецкий указывают на \**ä*);

нг. *хосюдиди* (*хосю*''э) 'ударить' — соответствий нет.

Зафиксированы два стативно-декаузативных глагола, производных от основ данной группы, гласный перед стативно-декаузативным показателем в них также нестандартен (нг. *ы*, отражающий \**ä*):

— нг. *ләнүынсы* 'гореть' < *ләнүдиди* 'сгореть';

— нг. *нәнүндисы* (наряду с вокалической основой *нәнсыдиди*) 'стоять' < *нәнсүдиди* 'встать'; глагол, возможно, имеет соответствие в ск. *piŋki-* 'стоять'<sup>31</sup>.

В нганасанском есть еще один стативно-декаузативный дериват такого же вида (на сей раз глагол является общесамодийским), интересно, что он имеет такие же варианты (консонантная vs. вокалическая

<sup>30</sup> В принципе процитированная из [Костеркина и др. 2001] форма перфекта *чинү*''о может быть неточной: например, при *дюкүдя* 'развязать' указан перфект *дюкү*''о, но неопубликованные словарные материалы Е. А. Хелимского, как и материалы М. А. Кастрена, указывают на *дюка*''а.

<sup>31</sup> Что касается фонетических соответствий интервокального кластера, то ср. нг. *хенүдир* 'бубен', ск. *piŋkär* 'бубен' < \**peŋkär* [Janhunen 1977: 119].

основы на *ы* в нганасанском), что и только что рассмотренный глагол ‘стоять’, производящая основа представлена общесамодийским \**tenä-*:

— нг. *ченынсы* (наряду с вокалической основой *ченыди*) ‘знать; уметь; помнить’.

### **В. Основы на *i* (у перфективных глаголов в перфекте *i* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) I-гармонического класса.**

Во всех случаях, когда нганасанский глагол из данного класса имеет соответствие в ненецком и энецком, материал этих языков указывает на ауслатный \**ä*:

нг. *быныди* (*быны*”*ä*) ‘приучить к упряжи’; *быны* ‘веревка’, т. нен. *yīnyā* ‘веревка’, эн. *bīne-* ‘веревка’, *binis-* ‘приучить к упряжи’;

нг. *бытыди* (*бызы*”*ä*) ‘выпить, попить’, т. нен. *yidyē-* ‘напиться’, эн. *bīde-* ‘пропить что-л.’;

нг. *дюлсыди* (*дюлсы*”*ä*) ‘закончить(ся)’, т. нен. *yolcyē-*, эн. *d’ud’e-*;

нг. *коныди* (*кона*”*a*) ‘пойти’, эн. *kāne-*;

нг. *кэнтыди* (*кэнды*”*ä*) ‘замерзнуть’, эн. *kōde-*;

нг. *мэлыди* (*мэлы*”*ä*) ‘измерить’ эн. *mōde-*;

нг. *толыди* (*толы*”*ä*) ‘украсть’, т. нен. *talyē-*, эн. *tare-*;

нг. *нылыди* ‘жить’, т. нен. *yilyē-*, т. эн. *ire-*, т. нен. *d’ire-*;

нг. *дяхыди* (*дяхыты*) ‘блестеть’, ср. т. эн. *d’eber-*.

Нерегулярно соотношение гласных в нг. *кэңхыди* (*кэмы*”*ä*) ‘перевернуть’, т. эн. *kōbiuo-* ‘повернуться’ (= нг. *кэңхыэди*), т. нен. *хэтр°хэл-* ‘перевернуться’.

Следующие глаголы из этой группы не имеют соответствий в других северносамодийских языках:

нг. *лэтыди* (*лэты*”*ä*) ‘срубить’;

нг. *ментыди* (*менды*”*ä*) ‘коснуться, задеть’;

нг. *мяныди* (*мяны*”*ä*) ‘победить’<sup>32</sup>;

нг. *нетыди* (*незы*”*ä*) ‘промокнуть’;

нг. *нянтыди* (*няндыты*) ‘быть похожим’;

нг. *ңонсыди* (*ңонды*”*ä*) ‘выйти’;

нг. *ңалыди* (*ңалы*”*ä*) ‘победить, смочь’;

нг. *серыди* (*серы*”*ä*) ‘внести’;

нг. *сонсыди* (*сонды*”*ä*) ‘пришить, прикрепить’;

нг. *сятыди* (*сязы*”*ä*) ‘перестать, кончить(ся)’.

К этой группе примыкают глаголы, в которых *i* > нг. *i* после палатального согласного либо *i* первого слога:

нг. *коиди* (*кои*”*ä*) ‘оставить’, т. нен. *хaye-*, эн. *kāe-*;

нг. *чиниди* (*чини*”*ä*) ‘затопить, натопить’, т. нен. *tyinyē-*, л. эн. *t’ūne-*;

нг. *китиди* (*кизи*”*ä*) ‘разбудить’, т. нен. *syidyē-*;

нг. *хириди* (*хири*”*ä*) ‘сварить’, т. нен. *pyiryē-*, эн. *pire-*;

нг. *синсиди* (*синды*”*ä*) ‘остыть’, т. нен. *syīncyē-*;

нг. *мэлиди* (*мэли*”*ä*) ‘задержаться, опоздать; застрять’, эн. *mōle-* ‘застрять’.

### **Г. Основы на *i* (у перфективных глаголов в перфекте *i* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) I-гармонического класса.**

В эту группу, в частности, входят пять отыменных глаголов. Первые два из них уже обсуждались выше:

нг. *себсиди* (*себси*”*ä*) ‘плюнуть’, *себси* ‘плевок, слюна’;

нг. *демниди* (*демни*”*ä*) ‘заклеить (заплаткой)’, *демни* ‘заплата’.

К ним можно прибавить еще два, в которых глагольная основа также в точности совпадает с именной:

нг. *димиди* (*дими*”*ä*) ‘приклеить’, *дими* ‘клей’, т. нен. *yībyā* ‘клей’, *yīw°tyē-* ‘склеить’, т. эн. *ie*, л. эн. *d’ii* ‘клей’, т. эн. *iēte-*, л. эн. *d’iite-* ‘склеить’;

нг. *диңиди* (*диңи*”*ä*) ‘завязать узлом’, *диңи* ‘узел’, т. нен. *yū* ‘узел’, *yūn-* ‘завязать узлом’, эн. *d’uii* ‘узел’, *d’uii-* ‘завязать узлом’.

В последнем отыменном глаголе ауслатный гласный в имени и глаголе различается:

нг. *кайбидя* (*кайби*”*ä*) ‘выкопать; разгрести’, нг. *кайбу* ‘лопата’, т. нен. *syīwā* ‘лопата’, *syīwāq-* ‘выкопать’, эн. *sea* ‘лопата’.

<sup>32</sup> Близкие по семантике т. нен. *туанэq-* ‘смочь’, *туануw°на* ‘по силе’ Т. Салминен в [Salminen 1998] связывает со словом со значением ‘мера’: т. нен. *туанэх*, эн. *medi?*, нг. *мантi*.

Два глагола, которые на первый взгляд принадлежат к этой группе, в действительности являются суффиксальными производными:

нг. *дюдиди* (*дюдити*) ‘видеть во сне’ — ср. *дюй* ‘сон’ и форму *juit’etem* у М. А. Кастрена с сохранением в глаголе финального *j* существительного *дюй*;

нг. *дечиди* (*дечи*’э) ‘покрыть чум нюками’, ср. *дей* ‘нюк’, а также т. эн. *d’ei* ‘нюк’, *d’eito* ‘покрывать чум нюками’.

Остальные глаголы из этой группы, имеющие соответствия в других самодийских языках, не дают последовательной картины:

нг. *дярсиди* (*дярсити*) ‘любить’, ср. нганасанский глагол с другим гласным *дярсэзы* ‘любить’, которому соответствует эн. *d’ed’ode* ‘любить’<sup>33</sup>;

нг. *бериди* (*бери*’э) ‘разрезать, раскроить’, т. нен. *yerə* ‘распороть’, т. эн., л. эн. *beri* ‘разрезать’;

нг. *ңитиди* (*ңиži*’э) ‘повесить’, т. нен. *ñida*-, эн. *idi*-;

нг. *сетиди* (*сеži*’э) ‘просверлить’, эн. *sedoro*-.

Следующие глаголы из этой группы не имеют соответствий:

нг. *мэчиди* (*мэчи*’э) ‘не хватить, недостать; (быть) рано’;

нг. *салиди* (*сали*’э) ‘испортить’;

нг. *селиди* (*сели*’э) ‘поточить, наточить’ — возможно, является производным от исконно консонантной основы, ср. *селтэ* ‘точить’<sup>34</sup>;

нг. *чабтиди* (*чабти*’э) ‘раскрыть; разобрать (например, чум)’;

нг. *китиди* (*кити*’э) ‘привязать, завязать’;

нг. *нэчиди* (*нэчи*’э) ‘освободиться’.

Вообще, производность от именной основы — важный фактор появления нерегулярности в нганасанском. Ср. ряд стативно-декаузативных глаголов, нарушающих закономерности образования этой производной основы, сформулированные выше на материале собственно глагольных основ. Приводимые ниже стативно-декаузативные глаголы образованы от глаголов, которые, в свою очередь, образованы от именных основ (и потому могут иметь нерегулярный для глагола ауслаут) либо непосредственно от именных основ:

— нг. *ңудисы* ‘заниматься, работать (о женщине), рукодельничать’ < *ңусы* ‘дело, работа; шитьё’;

— нг. *дюдисы* ‘видеть сон, видеть во сне’ является стативно-декаузативной производной от глагола нг. *дюдиди* ‘видеть во сне’, который, в свою очередь, образован от нг. *дюй* ‘сон’. Нганасанское *дюдиди* возводится к протонг. *\*jūj-tā* < *\*jūj-tā* (смена гармонии обусловлена, вероятно, влиянием *\*j* на предшествующий *\*i* и затем — влиянием гласного первого слога на гласный второго слога), этому соответствуют т. эн. *d’ider* ‘видеть сны’ и *d’ide* ‘сон’. Но к указанной праформе нельзя возвести т. нен. *yude* ‘видеть сон’ < т. нен. *yude* ‘сон’ (< *\*jūjte*). В ненецком это один из нескольких глаголов с ауслаутным *e* (< *\*e*), в данном случае гласный в глагольной основе в ненецком обусловлен тем, что это — отыменной глагол, образованный конверсией основы;

— еще один ненецкий глагол с *e* (< *\*e*) в ауслауте — *yake* ‘быть дымным’, также отыменной глагол, производный от *yake* ‘дым’. Ему соответствует нганасанский стативно-декаузативный глагол (также с нестандартным гласным перед стативно-декаузативным показателем) *дякаса* ‘дымить’ < *дяка-гэ* ‘густой дым’. В энецком имеем *d’aki* ‘дымить’ < *d’aki* ‘дым’. Формы всех трех языков возводятся к *\*jake*;

— еще один ненецкий глагол с *e* (< *\*e*) в ауслауте — *nyade* ‘жить оседло’, ему соответствует нг. *ңатадя* (Praes.s3 *ңаžату*) ‘временно остаться без оленей (вообще олени есть, но он, например, гусей убивает)’<sup>35</sup>, оба глагола возводятся к *\*ate*-, с какими-либо именными основами этот глагол, кажется, не связан<sup>36</sup>;

<sup>33</sup> Возможно, здесь мы имеем дело с реинтерпретацией стативно-декаузативного деривата как глагола акциональной семантики с изменением морфологического класса, ср. принадлежащую к альтернирующим глаголам основу т. нен. *yerсyə* ‘вызывать симпатию’.

<sup>34</sup> Эн. *seri* ‘наточить, соскоблить напильником’, возможно, является контаминацией основы, родственной данной нганасанской, и той, что представлена в т. нен. *syeryesyo* ‘напильник’, нг. *серуку* ‘напильник’.

<sup>35</sup> В [Урманчиева 2023] я высказала предположение, что этому нганасанскому слову соответствует т. эн. *ida* ‘стойбище’ (в данном случае праформа *\*etV*), однако сопоставление с ненецким глаголом предпочтительнее потому, что соответствие более чистое фонетически (в том числе и в гласном второго слога).

<sup>36</sup> Для оставшихся т. нен. глаголов на *-e* вторичный характер ауслаутного *e* показан в [Salminen 1998]: *tyade*-(TYADØ → E) ‘свободно развешаться (в частности, о концах пояса)’, *monge*-(MOHXØ → E) ‘клубиться (о дыме,

— нг. *сэрбысы* ‘полагаться’ производно от нг. *сербы* ‘защитник; надежда’;

— нг. *ну́заса* ‘владеть’ — от глагола *нута́дя* с тем же значением, который в конечном итоге возводится к существительному нг. *нута* [—ʒу] ‘собственность’;

— нг. *тораса* ‘бороться, соревноваться в борьбе’ сопоставляется с мт. *toro-*, т. нен. *taroq-*, эн. *tarur-* (ср. также нг. *торар-* ‘бороться’ [Janhunen 1977: 152]) и далее сравнивается с уральским *\*torz* ‘ссора, спор’ [Rédei 1988: 531]. Не отвергая категорически прауральской этимологии, можно отметить, что в нганасанском этот глагол может быть сравнительно новым образованием, возникшим вследствие смешения двух этимологически несвязанных, но фонетически близких основ: могла возникнуть ложная этимологическая связь со словом *тору<sup>с</sup>*, в современном также *тору* (GenPl *тора*’) ‘польза’. Ср. возможность развития сем ‘бороться’, ‘сопротивляться’ у фонетически сходных с *тораса* ‘бороться’ семейств слов: одно объединяется вокруг значения ‘опереться, упереться’ (и, возможно, оно этимологически связано с *тораса*), второе — вокруг значения ‘польза’ (через идею ‘старание, приложение усилий’). Полуужирным шрифтом выделены значения, содержащие сему ‘борьба’ (как в физическом смысле, так и в смысле сопротивления чему-либо):

а) *тораса* ‘бороться, соревноваться в борьбе’, *торарса* ‘бороться’;

б) *тору<sup>с</sup>/тору* ‘польза’, *тору(й)чурса* ‘1) стараться; 2) сопротивляться, бороться (против чего-л.)’ (каптитивный глагол, досл. ‘добывать пользу’);

в) *тора́маса* ‘опереться’, *тора́галюся* ‘сопротивляться’ (глагол образован от незасвидетельствованного *\*тора́гал-* ‘воспротивиться’, ср. рус. *упереться*)<sup>37</sup>.

#### Д. Основы на *i* (у перфективных глаголов в перфекте *i* сохраняется, форма перфекта дается в скобках) U-гармонического класса.

Эти глаголы также не дают последовательной картины:

нг. *чи́зидя* ‘двигаться против ветра’, л. нен. *íśiśiśiēś* ‘плыть против течения’ < *\*cicā-* ‘плыть против течения’, см. [Janhunen 1977: 33], где приведены только сохранившие исконное значение глаголы селькупского и лесного ненецкого (на материале последнего в [ibid.] восстановлен ауслautный *\*ā*);

нг. *хуа́идя* (*хуа́зи*’а) ‘положить в котел, окунуть’, ср. т. нен. *pyadā-* ‘опустить в котел’, т. эн. *redi-* ‘опустить в котел’ — на общесамодийском фоне все три глагола представляют собой вторичную производную от исконно консонантной основы, сохранившейся в ск. *pōt-*, см. [ibid.: 118];

нг. *дэ́хидя* (*дэ́би*’а) ‘догнать’ соответствует эн. *d’abu-* ‘догнать’ и далее, как уже говорилось, ск. *śāri-* ‘схватить’, км. *d’ābəl’am* ‘схватить, поймать’, *d’aβōl’am*, *d’aβōtām* ‘держат’. Нганасанский не указывает на то, что этот глагол представляет собой стативно-декаузативный дериват (как можно видеть, интервокальный согласный выступает в слабой ступени, т. е. финальный слог является морфологически открытым), как стативно-декаузативный этот глагол оформлен в селькупском (ауслautный *u*), камасинском (суффикс *ō*) и энецком (т. к. он допускает алломорфы показателей будущего времени и причастия с согласным *δ*). Возможно, в нганасанском мы имеем дело с реинтерпретацией стативно-декаузативной основы как глагола событийной семантики с изменением морфологического класса;

нг. *дэ́бсидя* (*дэ́бси*’а) ‘догнать’ — не является ли суффиксальной производной, родственной предыдущему глаголу, указывая тем самым на исконно консонантную основу?

нг. *ки́рбидя* (*ки́рби*’а) ‘постричь(ся), побрить(ся)’ — соответствий не имеет.

Итак, ни одна из выделенных на нганасанском материале групп глаголов с *i/i*, *u/ü* в ауслaute не позволяет достоверно возводить какое-либо значимое число непроеизводных глаголов с таким ауслautом на пра(северно)самодийский уровень. Возможно, те глаголы из групп Б (основы на *u* I-гармонического класса) и Г (основы на *u* I-гармонического класса), которые не дают последовательных соответствий в других северносамодийских языках, могут претендовать на то, что они отражают исконные ауслautы,

тумане), *wile-* (WILØ → E) ‘резвиться (о привязанном к люльке ребенке)’, *уэ́нге-* (YØNHØ → E) ‘озираться, оглядываться’ — ср. также нг. *d’enka* ‘одноглазый’ с *\*e* в ауслaute (наряду с *d’enku*) при нг. *d’enkāda-* ‘оглянуться’ и т. эн. *d’oga* ‘одноглазый’ (= нг. *d’enku*) и т. эн. *d’ogarta-* ‘подмигнуть’, а также л. эн. *d’ogol’e* ‘одноглазый’) и к тому же т. эн. *d’oŋal’e* ‘одноглазый’ — можно видеть, что ауслaut этой основы варьирует во всех трех языках (*\*e*, *\*ā*, *\*ā*) и в целом она отличается фонетической нерегулярностью.

<sup>37</sup> Помимо этого, наличие фонетически сходной группы глаголов, представленной нг. *торкичуса* ‘растолкать, растормошить’, нг. *торкиалесы* ‘настоять’, нг. *торку́туса* ‘занять’ (= ‘захватить’), также объединяющими идею физического контакта (‘растолкать’ и сопротивления ‘настоять’ или его преодоления ‘занять’), вообще могут указывать на то, что мы имеем дело с группой основ образной семантики (следует обратить внимание на то, что и в этой группе ауслautные гласные не связаны чередованиями по регулярным моделям).

а в ненецком и энецком произошло выравнивание, но число этих основ невелико: из группы Б таких глаголов пять, из группы Г — четыре (если учитывать нганасанские глаголы, не имеющие соответствий, в каждой группе окажется по десять глаголов). Но при этом следует обратить внимание на то, что в группе Г много не прототипически глагольных основ, связанных конверсией с именными основами. Итак, и для прасамодийского, и для прасеверносамодийского надежно реконструируются непроизводные глагольные основы только с тремя вокалическими ауслаутами: \*ə, \*ā, \*ā̃. Это позволяет, в частности, сделать предварительный вывод о том, что в вопросе реконструкции прасамодийского вокализма второго слога следует отдать предпочтение точке зрения Ю. Янхунена, который восстанавливал в первых слогах только эти три гласные. Тем не менее данный вывод следует считать предварительным до рассмотрения ауслаутов именных основ — в частности, по ходу изложения упоминалось несколько случаев, когда «нестандартный» для глагола ауслаут можно было объяснить словообразовательной конверсией (переходом именного корня в сферу глагольных корней): не значит ли это, что репертуар вокалических ауслаутов непроизводных именных прасамодийских основ был более разнообразным, а в глаголе мы имеем дело с вторичным парадигматическим выравниванием? Косвенно эту точку зрения поддерживает то, что и консонантные ауслауты сохраняются в именных основах гораздо последовательнее, чем в глагольных.

## Сокращения

### Языки

км. — камасинский  
л. нен. — лесной ненецкий  
л. эн. — лесной энецкий  
мт. — маторский  
нг. — нганасанский

протонг. — протонганасанский  
ск. — селькупский  
т. нен. — тундровый ненецкий  
т. эн. — тундровый энецкий  
эн. — энецкий

### Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо  
AUX — вспомогательный глагол  
Cvb — деепричастие  
Dur — дуратив  
Gen — генитив  
Inf — инфинитив  
Latent — латентив

Loc — локатив  
Pl — множественное число  
Praes — настоящее время  
Praet — прошедшее время  
s — субъектное спряжение  
St — статив-декаузатив

## Литература

Аникин, Хелимский 2007 — А. Е. Аникин, Е. А. Хелимский. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Гусев 2008 — В. Ю. Гусев. Ауслаутное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // М. Д. Люблинская (ред.). Материалы 2-й международной конференции по самодистике. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 114—128.

Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на \*-w в самодийских языках // С. И. Буркова (ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. С. 54—65.

Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. О возможных источниках селькупского сочетания -lč-: ПС \*jw, \*jk, \*jm // Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77—81.

Костеркина и др. 2001 — Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Отв. ред. В. Ю. Гусев. СПб.: Просвещение, 2001.

Пырерка, Терещенко 1948 — А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. Русско-ненецкий словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1948.

Урманчиева, рук. — А. Ю. Урманчиева. Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков). Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2023.

Урманчиева 2013 — А. Ю. Урманчиева. Образование форм аориста в самодийских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2013. Т. 9, № 2. С. 734—767.

Урманчиева 2022 — А. Ю. Урманчиева. Надо ли реконструировать для прасамодийского \*ō: источники о после палатальных согласных в первых и непервых слогах в тундровом ненецком // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 2022. Т. 81, № 6. С. 61—69.

Урманчиева 2023 — А. Ю. Урманчиева. Реконструкция глагольного спряжения в самодийских языках: личностно-числовые показатели индикатива и форманты типов спряжения // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Т. 19, № 1. С. 256—300.

Хелимский 1986 — Е. А. Хелимский. Etymologica 1—48 (Материалы по этимологии маторско-тайгиско-карагасского языка) // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1986, 88. 119—143. о.

Хелимский 1993/2000 — Е. А. Хелимский. Прасамодийские \*ǵ и \*ǵ̃: прауральские источники и нганасанские рефлексy // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 196—201.

Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Е. А. Хелимский (ред.). Таймырский этнолингвистический сборник. М.: РГГУ, 1994. С. 190—221.

Alatalo Ms. — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).

Alatalo 2004 — J. Alatalo. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.

Castrén 1854 — M. A. Castrén. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Bedruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.

Guszev, Urmancsijeva 2018 — V. Guszev, A. Urmancsijeva. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyeceben // *Általános nyelvészeti tanulmányok*. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. о.

Helimski 1997 — E. Helimski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia Uralo-Altaica 41). Szeged: University of Szeged, 1997.

Helimski 1997/2022 — E. Helimski. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen // V. Gusev, A. Urmancsijeva, A. Anikin (eds.). *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski* (Studia Uralo-Altaica 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479—495.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.

Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai kiadó, 1988.

Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

## References

Alatalo Ms. — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).

Alatalo 2004 — J. Alatalo. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und J. Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.

Anikin, Helimski 2007 — A. E. Anikin, E. A. Helimski. Samodijisko-tunguso-man'chzhurskiye leksicheskiye svyazi. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2007. {A. E. Anikin, E. A. Helimski. Samoyedic-Tungus-Manchurian lexical connections. Moscow: Languages of Slavic culture, 2007.}

Castrén 1854 — M. A. Castrén. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Bedruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.

Gusev 2008 — Gusev V. Yu. Auslautnoye -w v samodijiskikh yazykakh: nganasansko-matorskaya izoglossa. In: M. D. Lyublinskaya (red.). *Materialy 2-y mezhdunarodnoy konferentsii po samodistike*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2008. S. 114—128. {V. Yu. Gusev. Auslaut -w in Samoyedic languages: a Nganasan-Mator isogloss. In: M. D. Lyublinskaya (ed.). *Proceedings of the 2<sup>nd</sup> international conference on Samoyedology*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 114—128.}

Gusev 2010 — V. Yu. Gusev. Stativy i dekauzativy na \*-w v samodijiskikh yazykakh. In: S. I. Burkova. (red.). *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii po samodistike*. Novosibirsk: Lyubava, 2010. S. 54—65. {V. Yu. Gusev. Statives and decausatives on \*-w in Samoyedic languages. In: S. I. Burkova (ed.). *Proceedings of the 3<sup>rd</sup> International conference on Samoyedology*. Novosibirsk: Lyubava, 2008. P. 114—128.}

Gusev 2012 — V. Yu. Gusev. O vozmozhnykh istochnikakh sel'kupsogo sochetaniya -lč-: PS \*jw, \*jk, \*jm. In: *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 febru-

ari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77—81. {V. Yu. Gusev. On possible sources of the Selkup combination *-lč-*: PS *\*jw*, *\*jk*, *\*jm*. In: Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77—81.}

Guszev, Urmancsijeva 2018 — V. Guszev, A. Urmancsijeva. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály az enyecben // Általános nyelvészeti tanulmányok. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. o.

Helimski 1986 — E. A. Helimski. Etymologica 1—48 (Materialy po etimologii matorsko-taygiysko-karagasskogo yazyka). In: Nyelvtudományi Közlemények. 1986, 88. 119—143. o. {E. A. Helimski. Etymologica 1—48 (Materials on the etymology of the Mator-Taigi-Karagas language). In: Nyelvtudományi Közlemények. 1986, 88. 119—143. o.}

Helimski 1993/2000 — E. A. Helimski. Prasamodijskiye *\*ǵ* i *\*ǵ̃*: praural'skiye istochniki i nganasanskiye refleksy. In: E. A. Helimski. Komparativistika, uralistika. Lekcii i statyi. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 196—201. {E. A. Helimski. Proto-Samoyedic *\*ǵ* and *\*ǵ̃*: Proto-Ural sources and Nganasan reflexes. In: E. A. Helimski. Comparative studies, uralistics. Lectures and articles. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 196—201.}

Helimski 1994 — E. A. Helimski. Oчерк морфологии i slovoizmenitel'noy morfologii nganasanskogo yazyka. In: E. A. Helimski (red.). Taymyrskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Moskva: Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet, 1994. S. 190—221. {E. A. Helimski. Essay on morphonology and inflectional morphology of the Nganasan language. In: E. A. Helimski (ed.). Taimyr ethnolinguistic collection. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1994, P. 190—221.}

Helimski 1997 — E. Helimski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia Uralo-Altaica 41). Szeged: University of Szeged, 1997.

Helimski 1997/2022 — E. Helimski. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen // V. Gusev, A. Urmanchieva, A. Anikin (eds.). Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski (Studia Uralo-Altaica 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479—495.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimita 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.

Kosterkina i dr. 2001 — N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde, T. Yu. Zhdanova. Slovar' nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy / Otv. red. V. Yu. Gusev. Sankt-Peterburg: Prosveshcheniye, 2001 {N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde, T. Yu. Zhdanova. Dictionary Nganasan-Russian and Russian-Nganasan / V. Yu. Gusev (ed.). St. Petersburg: Prosveshcheniye, 2001.}

Pyrerka, Tereshchenko 1948 — A. P. Pyrerka, N. M. Tereshchenko. Russko-neneckiy slovar. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i nacionalnykh slovarej, 1948. {A. P. Pyrerka, N. M. Tereshchenko. Russian-Nenets dictionary. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1948.}

Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai kiadó, 1988.

Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.

Salminen 1998 — T. Salminen. A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.

Urmanchieva, ruk. — A. Yu. Urmanchieva. Rekonstrukciya lingvisticheskogo landshafta Zapadnoy Sibiri (na materiale samodiyskikh yazykov). Dis. ... dokt. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2023. {A. Yu. Urmanchieva. Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (based on Samoyedic languages). Doctoral thesis. St. Petersburg, 2023.}

Urmanchieva 2013 — A. Yu. Urmanchieva. Obrazovaniye form aorista v samodiyskikh yazykakh. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2013. Vol. 9, No. 2. S. 734—767. {A. Yu. Urmanchieva. Aorist formation in Samoyedic languages. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2013. Vol. 9, No. 2. P. 734—767.}

Urmanchieva 2022 — A. Yu. Urmanchieva. Nado li rekonstruirovat' dlya prasamodiyskogo *\*ǵ̃*: istochniki o posle palatal'nykh soglasnykh v pervykh i nepervykh slogakh v tundrovom nenetskom. In: Izvestiya Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka. 2022. Vol. 81, No. 6. S. 61—69. {A. Yu. Urmanchieva. Is it necessary to reconstruct *\*ǵ̃* for Proto-Samoyedic: sources of *o* after palatal consonants in first and non-first syllables in Tundra Nenets. In: Izvestiya Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka. 2022. Vol. 81, No. 6. P. 61—69.}

Urmanchieva 2023 — A. Yu. Urmanchieva. Rekonstrukciya glagol'nogo spryazheniya v samodiyskikh yazykakh: lichno-chislovye pokazateli indikativa i formanty tipov spryazheniya. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2023. Vol. 19, No. 1. S. 256—300. {A. Yu. Urmanchieva. Reconstruction of verbal conjugation in Samoyedic languages: Personal inflexions of the indicative and markers of conjugation types. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2023. Vol. 19, No. 1. P. 256—300.}